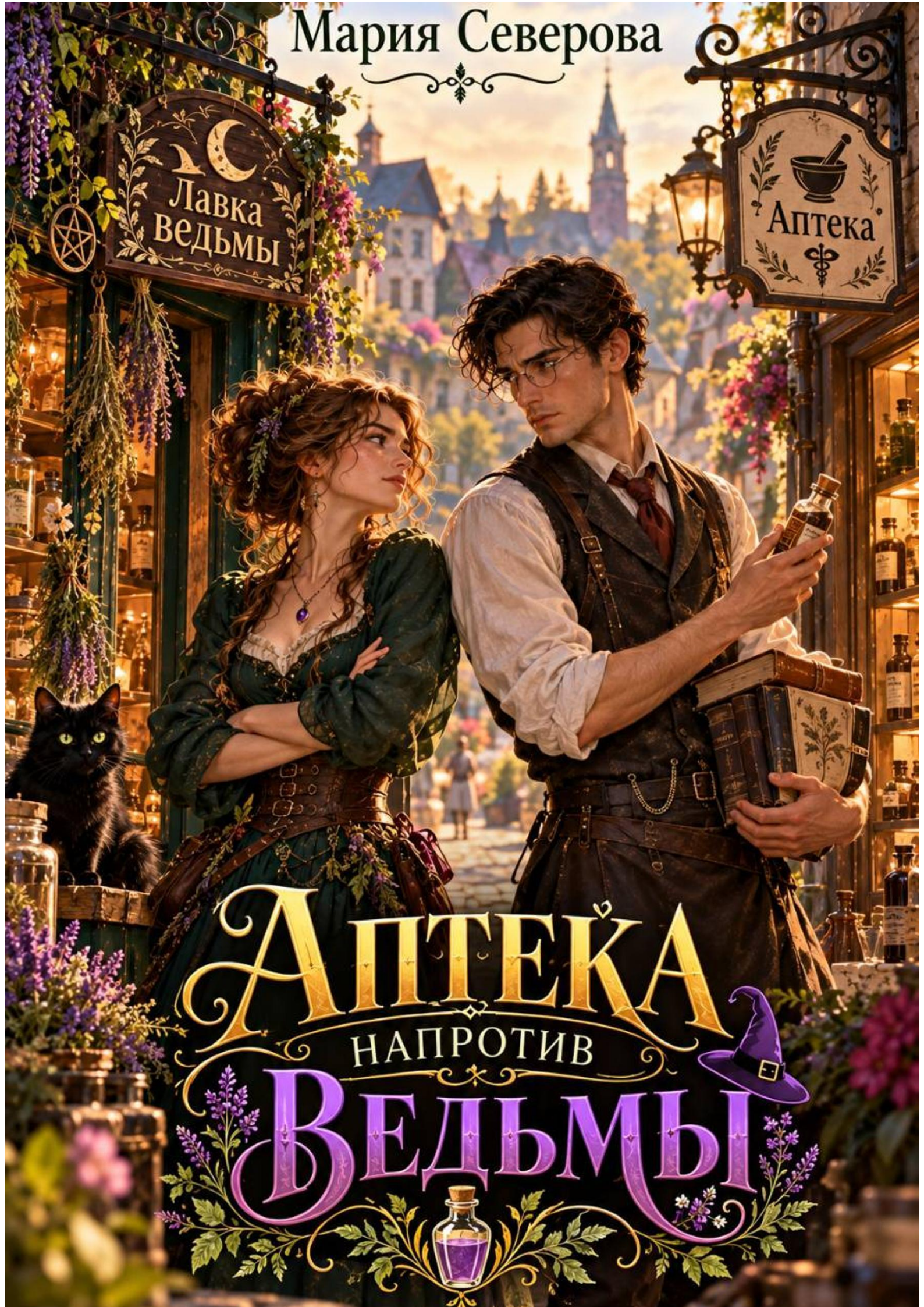

Мария Северова

Лавка
Ведьмы

Аптека

АПТЕКА
НАПРОТИВ
ВЕДЬМЫ

Мария Северова

Аптека напротив ведьмы

«Автор»

2026

Северова М.

Аптека напротив ведьмы / М. Северова — «Автор», 2026

В тихом городке Рябиновый Брод уже больше ста лет живёт ведьма Агата Вереск. Она лечит простуды, заговаривает раны, собирает целебные травы и совершенно не стареет. Агата бессмертна с рождения. Достигнув двадцати пяти лет, она перестала стареть. Она похоронила родителей, пережила друзей и поклялась больше ни к кому не привязываться. Но однажды в город приезжает Теодор Маррен — щуплый, нескладный фармацевт с вечно сползающими очками и невыносимой привычкой сомневаться в ведьминых снадобьях. Хуже того, нахал открывает аптеку напротив её лавки и продаёт лекарства дешевле! Теперь Агата намерена доказать, что никакая наука не сравнится с настоящей магией. А Теодор собирается убедить весь город, что отвар из сушёной крапивы не может лечить абсолютно всё. Однако, когда жителей поражает неизвестная болезнь, двум непримиримым соперникам придётся объединить знания. И, возможно, обнаружить, что самое опасное заболевание на свете — любовь.

© Северова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Ведьма, которой не страшно время	5
Глава 2 Непрошенный сосед	16
Глава 3 На одну монету дешевле	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Северова

Аптека напротив ведьмы

Глава 1 Ведьма, которой не страшно время

В Рябиновом Броде существовало три вещи, которые никогда не менялись: каменный мост через реку, привычка старосты жаловаться на погоду и ведьма Агата Вереск. Правда, мост за последние сто лет дважды перестраивали, старосты сменяли друг друга с завидной регулярностью, а вот Агата действительно оставалась прежней.

В свои сто шестьдесят три года она выглядела не старше двадцати пяти. Каждое утро ведьма просыпалась с первыми лучами солнца, умывалась прохладной водой, расчёсывала длинные каштановые волосы и внимательно изучала собственное отражение. Не то чтобы она рассчитывала обнаружить морщинку, но за сто тридцать восемь лет, прошедших с её двадцать пятого дня рождения, подобная надежда успела превратиться в привычку. Впрочем, сегодня зеркало снова её разочаровало.

— Ни одной, — пробормотала Агата, оттягивая кожу возле глаза. — Даже самой крошечной.

Она нахмурилась, отчего на лбу появились две складки, но стоило расслабить мышцы, как те бесследно исчезли.

— Издевательство какое-то!

Отложив зеркало, ведьма заплела волосы в свободную косу, надела длинное тёмно-зелёное платье с широкими рукавами и спустилась на первый этаж.

Её дом стоял на углу Цветочной и Мельничной улиц, неподалёку от главной площади. Двухэтажный, с белёными стенами, черепичной крышей и небольшим садиком, он почти не отличался от соседних домов. Разве что над входом висела деревянная вывеска с изображением ступки, пестика и трёх веточек вереска. Под изображением красовалась надпись: «Целебная лавка Агаты Вереск. Травы, настойки, мази и лечебное колдовство».

Последние два слова ведьма добавила лет сорок назад после того, как один приезжий господин обвинил её в сокрытии магических услуг от покупателей. Самое возмутительное заключалось в том, что господин явился не лечиться, а жаловаться на отсутствие должной рекламы. С тех пор Агата старалась писать всё предельно понятно.

Внутри лавка представляла собой небольшое, но уютное помещение. Вдоль стен тянулись полки со стеклянными пузырьками, глиняными горшочками и деревянными коробками. Под потолком висели связки высушенных трав, а у окна стоял широкий стол с весами, ступкой и несколькими медными котелками. Пахло здесь мятой, ромашкой, сушёными ягодами и чем-то сладковато-горьким, чему Агата за долгие годы так и не придумала названия.

Она распахнула ставни, впуская утренний свет, и принялась готовить лавку к открытию. Первым делом проверила вчерашнюю настойку от кашля, потом сняла с полки мазь для суставов, которая должна была настояться за ночь, и осторожно открыла крышку. Густая зеленоватая масса лениво выпустила облачко серебристого пара.

— Ну наконец-то, — довольно произнесла ведьма. — А я уж думала, ты никогда не созрешь.

Она зачерпнула немного мази деревянной палочкой, провела над ней ладонью и тихо прошептала заклинание. На кончиках пальцев вспыхнули крошечные золотистые искры. Они опустились в баночку и растворились, оставив после себя лёгкое свечение. Агата удовлетворённо кивнула.

Целебное колдовство всегда давалось ей легко. В детстве мать говорила, что дочь чувствует растения так, как другие люди чувствуют тепло или холод. Достаточно было прикоснуться к листку, чтобы понять, принесёт ли он пользу, а иногда — и какой именно. Правда, одного колдовства для лечения часто оказывалось недостаточно.

Магия могла ускорить заживление небольшой раны, унять боль, облегчить жар или помочь организму восстановиться. Но она не умела возвращать молодость, воскрешать умерших и побеждать каждую болезнь. И уж совершенно точно не могла исправить человеческую глупость. Последнее Агата считала самым серьёзным её недостатком.

Она расставила готовые баночки на полке, поправила ценники и перевернула табличку на входной двери надписью «Открыто» наружу. Не прошло и минуты, как над дверью звякнул колокольчик.

— Агатушка! Ты уже проснулась?

В лавку вошёл Филипп, старый городской сапожник. Невысокий, с седой бородкой и неизменно добродушным выражением лица, он опирался на деревянную трость, которую упорно называл «временной необходимостью».

— Нет, Филипп, — невозмутимо ответила ведьма. — Сплю. А всё, что ты сейчас видишь, тебе снится.

— Ну, раз снится, может, мазь бесплатно выдашь?

— Даже во сне не дождёшься.

Сапожник рассмеялся и, прихрамывая, приблизился к прилавку.

— Готова моя?

— Конечно. Только в этот раз не ставь банку возле печи.

— А что с ней будет?

— То же, что и с предыдущей. Она потеряет свои свойства, а ты придёшь ко мне через неделю и заявишь, что я разучилась колдовать.

— Так ведь руки болят, Агатушка. А возле печи мне удобнее.

— Филипп!

— Всё, всё. Не буду.

Агата протянула ему баночку, но, заметив, как дрожат его пальцы, нахмурилась и попросила показать руки. Сапожник послушно вытянул ладони. Когда-то крепкие и ловкие, теперь они были покрыты морщинами, а суставы заметно распухли. Агата осторожно коснулась его запястья. Под кожей ощущалась знакомая тупая боль, а магия отзывалась на неё слабым теплом, словно пыталась обнаружить повреждение, которое можно было бы исправить. Но ничего нового там не было. Только возраст.

— Сильно болят по утрам? — спросила она.

— Бывает.

— А по вечерам?

— Тоже бывает.

— Значит, почти всегда?

— Ну зачем же так сразу? — обиделся Филипп. — Когда сплю, вроде не замечаю.

Агата вздохнула, положила ладони поверх его рук и прикрыла глаза. По коже сапожника пробежало мягкое золотистое сияние. Отёк слегка уменьшился, а напряжённые пальцы расслабились.

— Вот так, — сказала она. — Сегодня будет полегче. Мазь используй утром и вечером. И не пытайся работать по двенадцать часов.

— А по одиннадцать можно?

— По шесть.

— Агата!

— Филипп!

Они посмотрели друг на друга. Сапожник сдался первым.

— Жестокая ты женщина.

— Знаю.

Он достал деньги, положил на прилавок несколько монет и вдруг задержал на ней взгляд.

— Знаешь, Агатушка, я ведь тебя ещё мальчишкой помню.

— А я помню, как ты в семь лет украл у соседки яблоки и свалился с забора.

— Не украл, а одолжил.

— И как собирался возвращать?

— Так ведь не успел придумать!

Агата рассмеялась. Филипп тоже улыбнулся, но почти сразу его лицо стало задумчивым.

— А ты совсем не изменилась.

Ведьма отвела взгляд к полкам.

— Зато ты стал гораздо разговорчивее.

— И старше.

Она ничего не ответила. Филипп помолчал, затем постучал тростью по полу.

— Кстати, в воскресенье внучка приезжает. Со своим женихом. Приходи на ужин, а? Она ведь так и не познакомилась с тобой толком.

— Спасибо, но у меня дела.

— Какие ещё дела в воскресенье?

— Очень важные.

— Травы твои?

— Именно.

— Агата, они же не убегут.

— Ты недооцениваешь некоторые растения.

Старик покачал головой.

— Ох, девочка. Всё прячешься за своими баночками.

Он уже направился к выходу, когда обернулся.

— Если передумаешь, будем рады.

— Хорошего дня, Филипп.

— И тебе, Агатушка.

Колокольчик звякнул, возвещая об уходе посетителя. Агата ещё некоторое время смотрела на закрытую дверь. Когда-то Филипп был непоседливым мальчишкой, потом влюблённым юношей, затем молодым отцом. Она помнила, как лечила разбитые коленки его детей, а позже помогала справляться с простудами внукам. Теперь Филиппу было семьдесят шесть, а ей всё те же двадцать пять.

Ведьма резко отвернулась и принялась переставлять баночки. Дела сами себя не сделают.

К полудню Рябиновый Брод окончательно проснулся. Через открытое окно доносились голоса торговцев, стук копыт по мостовой и звон колоколов городской ратуши. По площади разъезжали телеги, гружённые овощами, цветами и свежей выпечкой. Где-то неподалёку женщина громко бранила мужа за то, что тот снова забыл купить муку.

Агата невольно улыбнулась. Этот город она любила.

Рябиновый Брод располагался в широкой долине, где две невысокие гряды холмов сходились к реке. Через воду был перекинут старый каменный мост, по обеим сторонам которого росли рябины. Осенью их красные гроздья отражались в воде, словно кто-то рассыпал по реке пригоршни драгоценных камней. Именно благодаря этим деревьям город когда-то получил своё название.

Здесь редко происходило что-нибудь необычное. Люди женились, растили детей, ссорились из-за огородов, обсуждали соседей и спорили о том, какой пекарь готовит лучшие пироги.

Агата знала почти каждого жителя по имени и, что гораздо хуже, помнила большинство их родителей, бабушек и дедушек.

— Госпожа Агата!

Дверь распахнулась с такой силой, что колокольчик возмущённо зазвенел. На пороге стояла Мирта, хозяйка пекарни на главной площади. Рядом с ней жалась маленькая девочка с двумя светлыми косичками.

— Только не говори, что опять объелась булочками, — произнесла ведьма, оглядывая посетительницу.

— Очень смешно! Я к тебе с ребёнком!

— А ребёнок, надеюсь, булочками не объелся?

— Мама, — тихо произнесла девочка, — я же говорила, что тётя Агата будет смеяться. Мирта тяжело вздохнула.

— Вот посмотри, что она натворила.

Девочка протянула руку. На ладони красовалась длинная царапина, вокруг которой уже успела засохнуть кровь. Агата присела перед ребёнком.

— Эмма, расскажешь, с кем дралась?

— Ни с кем!

— Значит, с драконом?

— Нет!

— С троллем?

Эмма хихикнула.

— Я с дерева упала.

— А-а-а. Значит, дерево победило.

— Я почти долезла до самой верхушки! — гордо сообщила девочка.

— Какая выдающаяся глупость.

— Агата! — возмутилась Мирта.

— Что? Я же сказала, что выдающаяся.

Ведьма подвела Эмму к небольшому столику возле окна и помогла ей забраться на стул. Осторожно промыв царапину, она осмотрела ладонь и убедилась, что повреждение неглубокое.

— Будет больно? — шёпотом спросила Эмма.

— Совсем немножко. Но знаешь что? Я умею одно особенное заклинание.

Глаза девочки загорелись.

— Правда?

— Конечно. Только оно работает исключительно на очень смелых девочек.

— Я смелая!

— Тогда закрывай глаза.

Эмма крепко зажмурилась. Агата накрыла её ладонь своей и произнесла несколько тихих слов. Под пальцами разлилось приятное тепло, красные края ранки чуть стянулись, а боль постепенно утихла.

— Всё, — объявила ведьма.

Эмма открыла глаза и недоверчиво посмотрела на ладонь, где теперь оставалась лишь тонкая розовая полоска.

— Ой! А можно ещё раз?

— Зачем?

— Ну, чтобы совсем исчезло!

— Нет уж. Остаток твоей храбрости должен зажить сам.

Агата достала чистую повязку и осторожно обмотала ладонь девочки.

— Не сдирай, не пачкай и постарайся хотя бы пару дней не лазать по деревьям.

— А если очень захочется?

— Тогда выбирай деревья пониже.

— Агата! — снова воскликнула Мирта.

— Что? Я же не могу запретить ребёнку мечтать.

Эмма весело рассмеялась. Когда Мирта достала кошелек, ведьма отрицательно покачала головой.

— Не нужно.

— Но ты же потратила магию.

— Совсем немного.

— Агата...

— Мирта, если тебе непременно хочется расплатиться, принеси мне завтра пирожок с вишней.

— Один?

— Ну, два я тоже переживу.

— Договорились!

Мирта помогла дочери слезть со стула, но уходить не спешила. Вместо этого она принялась рассказывать о завтрашних посиделках во дворе пекарни, куда собиралась пригласить соседей. Обещались хорошая музыка, вкусный ужин и непременно какое-нибудь занятное происшествие, поскольку муж Мирты уже вызвался развлекать гостей своими историями.

— Приходи, — закончила она.

— Не могу.

— Ты даже не спросила, во сколько!

— У меня очень плотный распорядок.

— Ты каждый вечер одна сидишь дома!

Агата подняла бровь.

— Ты за мной следишь?

— За тобой невозможно следить. Ты куда не ходишь!

— Вот видишь, какая я удобная.

Мирта поджала губы.

— Я серьёзно. Ты столько для нас делаешь, а сама никогда не позволяешь нам сделать что-нибудь для тебя.

— Ты приносишь мне пироги. Разве этого мало?

— Агата...

— Мирта.

Несколько мгновений женщины смотрели друг на друга. Наконец хозяйка пекарни сдавалась, но предупредила, что приглашение остаётся в силе. Агата пообещала подумать, прекрасно понимая, что куда не пойдёт. Мирта, судя по её недовольному взгляду, тоже это понимала.

Она уже взяла дочь за руку и направилась к выходу, когда Эмма неожиданно вырвалась и подбежала обратно.

— Тётя Агата!

— Да, солнышко?

— А правда, что ты никогда не умрёшь?

В лавке стало тихо. Мирта застыла у двери.

— Эмма! Нельзя задавать такие вопросы!

— Но бабушка сказала, что тётя Агата бессмертная!

Агата медленно опустила на корточки.

— Бабушка правильно сказала.

— Значит, ты всегда будешь молодой?

— Похоже на то.

Девочка задумалась.

— А это здорово?

Простой детский вопрос почему-то оказался гораздо труднее всех, которые задавали взрослые. Агата посмотрела в широко раскрытые глаза Эммы и не сразу нашлась с ответом.

— Иногда, — наконец произнесла она.

— А иногда?

— Иногда не очень.

— Почему?

Ведьма улыбнулась.

— Когда станешь постарше, обязательно расскажу.

— Обещаешь?

Агата замерла. Она не любила обещаний, исполнение которых зависело от времени. Но Эмма смотрела на неё с таким нетерпением, что ведьма всё же кивнула. Девочка довольно улыбнулась и побежала к матери.

Когда дверь закрылась, Агата ещё некоторое время смотрела на маленький стул возле окна. Ей вспомнилось, как много лет назад на этом же месте сидела сама Мирта, тогда ещё совсем маленькая девочка. Теперь у неё была собственная дочь, которая однажды тоже вырастет и приведёт сюда своих детей. Агата вздохнула и вернулась к работе.

После обеда посетителей стало ещё больше. Сначала пришла жена мельника, жаловавшаяся на бессонницу, затем молодой пастух попросил средство от боли в спине. Следом заглянула госпожа Дора, которая каждый четверг покупала настой для успокоения нервов, хотя Агата подозревала, что гораздо полезнее ей было бы перестать ругаться с соседкой.

Ближе к трём часам ведьма наконец позволила себе чашку чая. Она только успела усесться возле окна, как со стороны площади раздался испуганный крик:

— Агата! Агата, помоги!

Ведьма вскочила. Через несколько секунд дверь распахнулась, и в лавку ввалились двое мужчин. Под руки они поддерживали третьего — молодого плотника, чьё лицо побелело от боли. Его правая кисть была обмотана окровавленной тканью.

— Что случилось? — быстро спросила Агата.

— Доска сорвалась! — выпалил один из мужчин. — Придавило руку!

— Сюда его. На стул.

Она одним движением освободила рабочий стол от баночек, подставила чистый таз и осторожно сняла промокшую повязку. Два пальца плотника сильно распухли, на коже виднелись рваные повреждения, а один из пальцев был неестественно согнут.

— Имя?

— Левон, — с трудом выговорил пострадавший.

— Хорошо, Левон. Посмотри на меня.

Юноша поднял глаза.

— Я смогу работать?

— Сначала выясним, сможешь ли ты слушать мои указания.

Она внимательно осмотрела кисть. Перелом оказался не самым приятным, а повреждённые ткани требовали немедленного лечения.

— Пальцами шевелить можешь?

Левон попытался и тихо застонал.

— Больше не надо, — остановила его Агата. — Ты правильно сделал, что пришёл сразу.

Она попросила одного из мужчин принести чистую воду, а второго — убрать со стола всё лишнее. Затем осторожно положила ладонь над повреждённой рукой.

— Будет немного тепло.

Левон кивнул. Между пальцами ведьмы вспыхнуло золотистое сияние, которое медленно окутало кисть, успокаивая боль и уменьшая воспаление. Юноша облегчённо выдохнул.

— Лучше?

— Намного.

— Прекрасно. Но руку ещё придётся лечить.

— А магией нельзя сразу?

— Если бы всё было так просто, дорогой мой, я бы давно разорилась.

Она аккуратно очистила повреждения, обработала их целебным составом, наложила повязку и подготовила шину, чтобы зафиксировать пальцы. Левон наблюдал за её действиями с растущим беспокойством.

— А сколько я не смогу работать?

— Пока не заживёт.

— Но у меня заказ! Я должен закончить мебель до воскресенья.

— Замечательно. Значит, твой заказчик получит её позже.

— Он будет недоволен.

— А ты будешь недоволен, если пальцы срастутся неправильно.

Юноша открыл рот, но спорить не стал. Агата закончила перевязку и объяснила, как ухаживать за повреждённой рукой. Она велела ему прийти на следующий день для осмотра и предупредила, что при ухудшении состояния следует обратиться за помощью немедленно.

— А платить сколько? — спросил Левон.

Ведьма назвала сумму. Юноша побледнел ещё сильнее и смущённо признался, что сейчас таких денег у него нет.

— Тогда принесёшь, когда сможешь.

— Но...

— Левон, — перебила Агата, — если ты сейчас начнёшь спорить, я возьму дополнительную плату за потраченные нервы.

Один из плотников фыркнул. Левон смущённо улыбнулся и поблагодарил ведьму.

— Благодарю, когда поправишься, — ответила та. — И больше не пытайся ловить падающие доски руками.

Когда мужчины ушли, Агата устало опустилась на стул. Исцеление потребовало немало сил. Магия, конечно, восстанавливалась, но не мгновенно. Чем сложнее было повреждение, тем больше энергии уходило на его лечение. Вот почему она никогда не обещала невозможного. Ведьма могла помочь человеку, облегчить его страдания, иногда даже спасти жизнь, но оставалась ведьмой, а не богиней. И уж точно не могла заставить время двигаться вспять.

Она машинально потянулась за чашкой чая, но напиток давно остыл.

— Великолпно, — пробормотала она. — Единственное существо в этом городе, которое совершенно не умеет беречь себя, — это я.

Агата поднялась, чтобы налить свежего чая, но случайно задела острый край ножа, оставленного возле связки трав. На указательном пальце выступила капля крови. Ведьма раздражённо цокнула языком, однако прежде чем она успела потянуться за чистой тканью, порез затянулся. Кожа вновь стала гладкой, не оставив даже тонкой полоски.

Агата посмотрела на палец.

— Хоть какая-то польза, — произнесла она без особой радости.

К вечеру улицы Рябинового Брода постепенно опустели. Торговцы собирали прилавки, последние покупатели торопились домой, а над крышами домов поднимался дым из печных труб. Солнце медленно скрывалось за западными холмами, окрашивая реку в тёплые золотистые оттенки.

Агата закрыла лавку позже обычного. Она пересчитала дневную выручку, записала в старую тетрадь, какие снадобья нужно приготовить завтра, и проверила запасы сушёных расте-

ний. На полке заканчивался зверобой, почти не осталось корня девясила, а последняя банка мази для суставов утром отправилась к Филиппу.

— Пора за травами, — пробормотала ведьма.

Она загасила свечи, проверила замок на входной двери и поднялась наверх. Дом встретил её привычной тишиной. Никто не спросил, как прошёл день, не пожаловался на слишком поздний ужин, не рассказал смешную историю и не предложил посидеть у огня. Агата сняла платье, переоделась в домашнюю одежду и отправилась на кухню.

На ужин у неё остались овощной суп, кусочек хлеба и немного сыра. Она поставила кастрюлю на печь, заварила чай и расставила посуду на небольшом деревянном столе. Когда-то здесь помещалось три тарелки. Теперь она доставала только одну.

За ужином ведьма смотрела в окно, за которым постепенно сгущались сумерки. В соседнем доме зажглись огни, а через неплотно закрытые ставни доносился детский смех. Агата невольно прислушалась, потом улыбнулась и вернулась к супу.

Она любила этот город, его шумные улицы, упрямых стариков, непоседливых детей и даже бесконечные сплетни на площади. Но никогда не позволяла себе любить кого-то одного слишком сильно. Так было проще, надёжнее и безопаснее. По крайней мере, она давно убедила себя в этом.

После ужина Агата зажгла лампу и поднялась на чердак. Там хранились вещи, которые она почти никогда не доставала: старые платья, пожелтевшие письма, несколько детских игрушек, книги и большой деревянный сундук, стоявший у дальней стены.

Ведьма опустилась перед ним на колени. На крышке были вырезаны маленькие цветы — работа её отца. Он любил мастерить разные вещи из дерева. Не слишком изящные, порой немного кривоватые, зато невероятно прочные. Агата провела пальцами по знакомым узорам.

— Привет, папа, — тихо произнесла она.

Замок легко поддался. Внутри лежали аккуратно сложенные письма, несколько украшений, маленькое детское платьице и старая семейная книга с зарисовками. Агата достала её и села возле окна.

На первой странице был нарисован дом, окружённый цветами. Рисунок выглядел неуклюже: крыша получилась слишком большой, окна — кривыми, а возле входа стояли три человека с необычайно длинными ногами. Под ними детским почерком было написано: «Мама, папа и я».

Ведьма улыбнулась. Ей было семь, когда она нарисовала эту картину. Тогда она ещё не знала, что отличается от других детей.

Её детство было совершенно обыкновенным. Она бегала по полям, собирала цветы, лазала по деревьям и ужасно боялась грозы. Мать учила её различать травы и готовить простейшие настои, а отец мастерил деревянные игрушки и рассказывал истории о дальних странах. Маленькая Агата мечтала однажды вырасти, выйти замуж и завести большую семью. Желательно с пятью детьми и непременно с собакой. Она даже придумала имена всем будущим детям, хотя теперь уже не могла вспомнить ни одного.

До двадцати пяти лет жизнь шла привычным чередом, а потом что-то изменилось. Сначала это казалось простой случайностью. В двадцать семь Агата выглядела на двадцать пять, в тридцать — тоже. Когда ей исполнилось тридцать пять, мать впервые заметила, что лицо дочери не изменилось ни на день. К сорока годам сомнений больше не осталось: Агата перестала стареть.

Её волосы не седели, кожа не покрывалась морщинами, а любые раны заживали с невероятной скоростью. Даже болезни, которыми прежде иногда страдала молодая ведьма, будто забыли о её существовании. Родители обращались к знахарям, магам и учёным, искали объяснение в древних книгах, расспрашивали путешественников и собирали всевозможные све-

дения о редких магических дарах. Но никто не смог объяснить, почему Агата оказалась бес-
смертной.

В конце концов мать сказала, что это благословение. Отец назвал чудом, а сама Агата
тогда была счастлива.

Кому не хотелось бы вечно оставаться молодой? Она представляла, сколько всего успеет
увидеть, сколько стран посетить и сколько новых заклинаний изучить. Ей казалось, что впереди
лежит бесконечная дорога, полная удивительных возможностей. Она ещё не понимала, какую
цену придётся заплатить за эту бесконечность.

Первым начал стареть отец. Сначала на его висках появилась седина, затем стали болеть
колени, руки утратили прежнюю ловкость, а по утрам он подолгу сидел на краю кровати,
прежде чем подняться. Агата готовила ему укрепляющие настои, снимала боль и помогала
справляться с недугами, но годы продолжали своё дело.

Однажды отец попытался поднять тяжёлый деревянный ящик, который сам изготовил
много лет назад. У него ничего не вышло. Агата помнила, как он стоял посреди мастерской и
растерянно смотрел на собственные руки.

— Давай я помогу, папа, — предложила она.

Он улыбнулся.

— А ведь раньше я тебя на плечах носил.

— И сейчас можешь.

— Ну уж нет! Теперь ты меня носить будешь.

Она рассмеялась. Он тоже. Тогда это казалось обычной шуткой, но спустя несколько лет
отец уже почти не вставал с постели.

Агата пыталась лечить его всеми известными способами. Читала древние рукописи, гото-
вила сложные снадобья, искала редкие растения. Но никакое колдовство не могло остановить
естественное угасание жизни. В последние дни отец часто просил её просто посидеть рядом.

Однажды, когда за окном шёл дождь, он взял дочь за руку и долго смотрел на её лицо.

— Ты всё такая же, — тихо сказал он.

Агата улыбнулась сквозь слёзы.

— А ты всё такой же упрямый.

— Это у нас семейное.

Он осторожно коснулся её щеки. Его ладонь была сухой, тёплой и покрытой глубокими
морщинами.

— Пообещай мне кое-что.

— Всё что угодно.

— Не трать свою жизнь на попытки остановить чужую смерть.

Агата покачала головой.

— Не говори так.

— Послушай меня, доченька.

Она замолчала.

— Ты проживёшь гораздо дольше нас с матерью. Возможно, гораздо дольше всех, кого
знаешь. Но это не значит, что ты должна провести эти годы в одиночестве.

— Папа...

— Живи, Агата. Не бойся жить.

Через несколько дней его не стало. Она похоронила отца на небольшом кладбище за
городской часовней, а затем вернулась домой и впервые заметила, насколько старой стала мать.
Раньше Агата словно не обращала внимания на её седые волосы, сутулую спину и мелкие мор-
щины вокруг глаз. Теперь же каждое изменение причиняло боль.

Она пыталась убедить мать меньше работать, больше отдыхать, принимать укрепляющие
настои. Та только улыбалась.

— Дорогая, я всё-таки старуха, а не разбитая чашка. Не нужно пытаться меня склеить. Агата сердилась, мать смеялась, и годы шли.

В последний год жизни матери ведьма почти не покидала дом. Она сидела возле кровати, читала вслух старые книги и рассказывала о событиях в городе. Иногда мать засыпала посреди разговора, а Агата продолжала держать её за руку, прислушиваясь к тихому дыханию.

В один из таких вечеров мать неожиданно спросила:

— Ты ведь всё ещё хочешь большую семью?

Агата растерялась.

— Что?

— Помнишь, как в детстве мечтала о пяти детях?

— Мам...

— И о собаке.

— Я была ребёнком.

— А теперь?

Ведьма опустила глаза.

— Теперь я не знаю.

Мать осторожно сжала её пальцы.

— Не позволяй страху решать за тебя.

Агата промолчала. Она могла бы рассказать, что больше не хочет никаких детей, никакого мужа и никакой большой семьи. Что ей невыносимо даже представить, как однажды придётся стоять у могилы собственного ребёнка. Что каждый новый седой волос на голове матери заставляет её ненавидеть собственное бессмертие. Но ничего не сказала.

А через несколько недель мать умерла.

После похорон Агата долго сидела на кухне, глядя на три тарелки, которые по привычке достала из шкафа. Потом убрала две обратно и больше никогда не ставила их на стол.

Скрип половицы вернул ведьму в настоящее. Агата моргнула и обнаружила, что всё ещё сидит возле чердачного окна со старой книгой на коленях. На улице давно стемнело.

Она осторожно перевернула страницу. На следующем рисунке была изображена маленькая девочка с длинной косой, держащая за руки родителей. Над их головами красовалось огромное жёлтое солнце. Агата провела пальцем по изображению матери.

— Я стараюсь, мам, — прошептала она.

Слова прозвучали неуверенно даже для неё самой.

Она закрыла книгу и аккуратно положила её обратно в сундук. За сто с лишним лет после смерти родителей Агата успела пережить множество людей. Сначала уходили те, кого она знала в молодости, потом их дети, затем некоторые внуки. Она провожала на кладбище соседей, друзей семьи, старых учителей и людей, которых когда-то лечила от детских болезней.

В какой-то момент ведьма заметила, что больше не плачет на похоронах. Не потому, что ей было всё равно. Просто слёзы перестали что-либо менять. И тогда она решила больше не привязываться.

Помогать — да. Лечить — разумеется. Улыбаться, разговаривать, шутить, принимать благодарности — сколько угодно. Но не позволять никому становиться частью её жизни. Не приглашать к себе на ужины, не проводить вечера у чужого камина, не заводить друзей, без которых однажды станет невозможно представить собственное существование.

Она выстроила вокруг себя невидимую стену, достаточно низкую, чтобы слышать чужие просьбы о помощи, и достаточно высокую, чтобы никого не впускать внутрь. Иногда Агате казалось, что она поступает неправильно, но стоило вспомнить родителей, как сомнения исчезали. Лучше немного одиночества сейчас, чем невыносимая боль потом.

Спустившись с чердака, Агата заметила, что возле входной двери кто-то оставил небольшую корзинку. Внутри лежали два ещё тёплых пирожка с вишней и записка: «Ты обещала подумать насчёт ужина. Мы всё ещё ждём тебя завтра. Мирта».

Ведьма невольно улыбнулась.

— Упрямая женщина.

Она отнесла корзинку на кухню и поставила рядом с чайником. На мгновение ей захотелось согласиться. Прийти в гости, посидеть за большим столом, послушать, как Мирта ругает мужа за неудачные шутки, как Эмма рассказывает о своих приключениях, как соседи обсуждают последние новости. Просто провести вечер среди людей.

Но затем Агата представила, как однажды волосы Мирты поседеют, Эмма вырастет, обзаведётся собственной семьёй, а потом...

Она оборвала мысль.

— Нет, — тихо сказала ведьма. — Не стоит.

Агата погасила лампу, поднялась в спальню и подошла к окну. Снаружи город жил своей привычной жизнью. В доме напротив горел свет, на площади задержались несколько прохожих, а из пекарни Мирты доносились смех и негромкая музыка.

Чуть дальше, через дорогу, темнели окна пустующей лавки, где раньше продавали ткани. Хозяева уехали к родственникам почти год назад, и с тех пор помещение так никто и не занял. Агата мельком взглянула на него. Неплохое место для нового магазина. Впрочем, её это не касалось.

Она задёрнула занавески, легла в постель и укрылась одеялом. Завтра снова придут посетители. Кому-то понадобится мазь, кому-то настойка, кто-то пожалуется на больную спину, а кто-то просто захочет поговорить. Она поможет каждому, кому сумеет, а вечером вновь вернётся в пустой дом.

Так продолжалось уже много лет и, по всей видимости, будет продолжаться ещё очень, очень долго.

Агата закрыла глаза. Она совершенно не боялась завтрашнего дня, ведь завтра ничем не отличалось от вчера. Именно поэтому ей так нравилось её спокойное, предсказуемое существование.

Она ещё не знала, что совсем скоро в пустующей лавке напротив появится новый хозяин, который перевернёт её привычную жизнь с ног на голову.

Глава 2 Непрошенный сосед

Теодор Маррен был совершенно уверен, что новая жизнь должна начинаться с чего-нибудь приятного. Например, с чашки горячего чая, хорошего завтрака или хотя бы с возможности выспаться после долгой дороги. Однако его новая жизнь началась с разбитого пузырька настойки, пропахшей на всю повозку валерианой.

— Прекрасно, — пробормотал юноша, осторожно приподнимая крышку деревянного ящика. — Просто замечательно.

Среди аккуратно уложенных в солому стеклянных флаконов темнело небольшое влажное пятно. К счастью, разбился всего один, но этого оказалось достаточно, чтобы резкий запах пропитал и солому, и деревянные стенки ящика, и, кажется, самого Теодора. Он вздохнул, поправил сползшие на кончик носа очки и снова закрыл крышку. Разбираться с последствиями дорожного происшествия предстояло уже на месте, благо до Рябинового Брода оставалось совсем немного.

Последние два дня молодой фармацевт провёл в тряской повозке, которую нанял на окраине столицы. Вместе с ним путешествовали четыре больших сундука, несколько ящиков с лекарствами, книги, лабораторные инструменты и совершенно неприличное количество стеклянной посуды. Возница, пожилой мужчина по имени Густав, уже трижды интересовался, действительно ли его пассажир собирается открыть аптеку, а не тайное производство стеклянных бутылок. В первый раз Теодор подробно объяснил, для чего необходим каждый из перевозимых сосудов, во второй ограничился коротким ответом, а в третий предпочёл сделать вид, что задремал.

Впрочем, Густав не особенно расстроился. Всю оставшуюся дорогу он развлекал себя историями о собственной молодости, из которых следовало, что когда-то был невероятно красив, силен и пользовался необычайным успехом у женщин. Теодор вежливо слушал, хотя с трудом представлял, как этот грузный человек с красным носом и тремя оставшимися зубами мог разбивать девичьи сердца.

— Вон он, ваш Брод! — объявил возница, когда повозка выбралась на вершину невысокого холма.

Теодор приподнялся на сиденье. Внизу, среди зелёных лугов и небольших лесных рощиц, раскинулся городок. По его середине протекала широкая река, над которой возвышался старый каменный мост. Красные черепичные крыши теснились вдоль извилистых улиц, кое-где из труб поднимался дым, а над главной площадью виднелась часовая башня городской ратуши. Рябиновый Брод оказался гораздо красивее, чем Теодор представлял по рассказам. В объявлении о сдаче помещения говорилось лишь о тихом торговом городке, расположенном в живописной долине. Фармацевт ожидал увидеть несколько грязных улиц, окружённых полями, но теперь невольно залюбовался открывшимся видом.

— Симпатичное место, — произнёс он.

— А то! — довольно отозвался Густав. — Народ здесь хороший. Только немного чудной.

— В каком смысле?

— Да ведьма у них живёт.

Теодор повернул голову и с любопытством посмотрел на возницу. Тот, заметив интерес пассажира, с удовольствием продолжил рассказ о местной целительнице. По его словам, ведьме было не меньше двухсот лет, хотя выглядела она совсем молоденькой девушкой. Кроме того, поговаривали, будто однажды ей удалось прирастить обратно оторванный палец.

— Это маловероятно, — заметил фармацевт.

— Что именно?

— Приживление полностью отделённой части тела требует восстановления кровоснабжения, нервных окончаний и...

— Вот! — перебил Густав. — Я тоже говорю, что чудеса!

Теодор открыл рот, собираясь объяснить, что вовсе не это имел в виду, но передумал. За два дня путешествия он успел убедиться, что любые попытки спорить с возницей заканчиваются очередной невероятной историей.

Ведьм молодой человек не боялся. В столице они встречались нечасто, но целебное колдовство было вполне обычным явлением. Некоторые специалисты даже сотрудничали с медицинскими учреждениями, хотя далеко не все магические методы поддавались изучению. Именно последнее особенно раздражало Теодора. Он привык считать, что любое лечение должно иметь понятное объяснение, а результат — быть предсказуемым. Впрочем, это вовсе не означало, что он отрицал существование магии. Было бы довольно глупо отрицать то, что человек мог увидеть собственными глазами.

Повозка медленно покатила вниз по дороге. По мере приближения к городу Теодор начал различать отдельных прохожих, торговые лавки и небольшие ухоженные домики. Возле моста мальчишки запускали по реке деревянные кораблики, а на площади несколько женщин оживлённо спорили о цене яблок. Откуда-то доносился запах свежего хлеба, от которого у юноши предательски заурчало в животе. Он машинально похлопал по карману жилета, проверяя, на месте ли кошелёк.

Денег оставалось немного. Почти все сбережения ушли на покупку оборудования, лекарственных компонентов, перевозку имущества и задаток за помещение. Если дела пойдут плохо, через несколько месяцев ему придётся возвращаться в столицу с пустыми карманами. Этого Теодору хотелось меньше всего. Он уже однажды попытался устроить свою жизнь так, как от него ожидали другие, и повторять подобную ошибку не собирался.

— На площадь? — поинтересовался Густав.

— Да, пожалуйста. Цветочная улица, дом семь. Мне сказали, это неподалёку от ратуши.

— Знаю такое место. Там раньше тканями торговали.

Возница свернул на узкую улицу, по обеим сторонам которой стояли небольшие магазины. Теодор принялся внимательно изучать фасады, пытаясь найти нужное здание, но Густав остановил лошадь прежде, чем он успел разобраться в нумерации домов. Перед ними возвышался двухэтажный дом с поблёкшей от времени вывеской. За широкими окнами первого этажа ничего не было видно, поскольку стёкла покрывал толстый слой пыли. Дверь выглядела достаточно крепкой, а вот деревянные ставни явно нуждались в новой краске.

Теодор спрыгнул с повозки, едва не наступив на край собственного плаща, и с интересом осмотрел здание. По крайней мере, крыша казалась целой, а помещение располагалось на оживлённой улице. Для начинающего аптекаря этого было вполне достаточно.

— Господин Маррен?

От соседнего дома к нему направлялась невысокая пожилая женщина в тёмном платье и чепце. В одной руке она держала связку ключей, в другой — небольшую папку с бумагами. Теодор поспешил ей навстречу и представился, после чего узнал, что перед ним госпожа Вельта, которой хозяева помещения поручили заниматься его сдачей.

— Надеюсь, добрались без происшествий? — поинтересовалась женщина.

Теодор вспомнил разбитый пузырёк, дважды отдавленную ногу и совершенно бессонную ночь в придорожной гостинице.

— Вполне благополучно, благодарю.

Госпожа Вельта одобрительно кивнула и принялась отпирать дверь. Замок поддался не сразу, заставив женщину несколько раз дёрнуть ручку и недовольно пробормотать что-то о безответственных хозяевах. Наконец дверь распахнулась, впуская в помещение солнечный свет.

Внутри пахло пылью и старым деревом. Большую часть комнаты занимали пустующие полки, на одной из стен висело овальное зеркало в потемневшей раме, а за прилавком сохранился небольшой шкаф с многочисленными выдвижными ящичками. Теодор просиял, мгновенно представив, как расставит здесь пузырьки с лекарствами, разложит сушёные растения и разместит собственноручно изготовленные препараты.

— Как замечательно!

— Вы так думаете? — удивилась госпожа Вельта.

— Конечно! Посмотрите, сколько места для лекарств. А этот шкаф прекрасно подойдёт для хранения сушёных растений и порошков. Только придётся всё тщательно вымыть, а полки немного переставить. И стол нужен поближе к окну, чтобы света было больше...

Он уже мысленно распределял имущество по комнате, совершенно забыв о стоявшей рядом женщине. Госпожа Вельта некоторое время наблюдала за ним с любопытством, после чего негромко кашлянула и напомнила, что любые значительные переделки необходимо согласовывать с владельцами здания.

— Разумеется! — быстро согласился Теодор. — Я ничего не собирался ломать.

Женщина посмотрела на него с явным сомнением.

— Очень на это надеюсь.

Они осмотрели подсобное помещение, лестницу на второй этаж и две небольшие комнаты, одна из которых прежде служила складом. Теодор решил устроить наверху спальню, а рядом разместить лабораторию. На полноценную отдельную мастерскую денег у него пока не было, но для начала вполне подойдёт и небольшая комната. После подписания последних бумаг госпожа Вельта передала ему ключи и пожелала удачи с аптекой. Правда, прежде чем уйти, посоветовала обязательно познакомиться с соседями.

— Особенно с Агатой, — добавила она.

— С кем?

Госпожа Вельта указала на противоположную сторону улицы. Теодор повернулся и только теперь внимательно рассмотрел аккуратный двухэтажный дом с небольшим садиком. Над входом висела деревянная вывеска с изображением ступки и нескольких веточек вереска, а под ними красовалась надпись: «Целебная лавка Агаты Вереск. Травы, настойки, мази и лечебное колдовство».

— Значит, это и есть местная ведьма? — спросил молодой фармацевт.

— Именно. Прекрасная женщина, хоть и упрямая до невозможности. Лечит у нас всех подряд, почитай, с незапамятных времён. Только вы с ней особо не спорьте.

— Почему?

Госпожа Вельта задумалась.

— Потому что бесполезно.

С этими словами она поправила чепец и направилась по улице, оставив юношу наедине с его новой аптекой. Теодор ещё раз посмотрел на вывеску напротив. Значит, в городе уже имелся человек, занимавшийся лечением. Это немного осложняло дело, но не слишком беспокоило его. Лекарства и колдовство существовали бок о бок много лет, и он не видел причин, по которым одно должно непременно исключать другое. К тому же Рябиновый Брод казался достаточно большим, чтобы двум специалистам нашлась работа.

По крайней мере, ему очень хотелось в это верить.

В это утро Агата Вереск пребывала в прекрасном расположении духа. Погода стояла тёплая, настойка от кашля наконец приобрела нужный цвет, а один из вишнёвых пирожков, оставленных Миртой накануне вечером, оказался настолько вкусным, что ведьма почти пожалела о своём отказе прийти в гости. Впрочем, мысль эта продержалась недолго и окончательно исчезла после второй чашки чая.

Агата занималась сортировкой лекарственных растений, когда с улицы донёлся необычный шум. Сначала послышался громкий скрип колёс, затем недовольное лошадиное ржание и чей-то возглас, предупреждавший об осторожном обращении со стеклом. Ведьма подняла голову, отложила пучок зверобоя и подошла к окну.

Напротив пустующей лавки стояла большая повозка, возле которой сустились несколько человек. Двое мужчин переносили в помещение деревянные ящики, а третий, высокий и худой, пытался одновременно удержать раскрытую дверь и подхватить выскальзывавшую из рук коробку. Судя по всему, попытка оказалась не слишком удачной. Коробка с глухим стуком упала на землю, а её хозяин едва не последовал за ней.

— Любопытно, — пробормотала Агата.

Она уже собиралась вернуться к работе, когда колокольчик над дверью возвестил о появлении посетителя. В лавку торопливо вошла Мирта, прижимая к груди свёрток с тёплой выпечкой. На её щеках горел румянец, а глаза блестели от возбуждения, которое обычно охватывало хозяйку пекарни при появлении особенно интересных городских новостей.

— Агата, ты только посмотри, что у нас творится!

— Если ты опять про ссору мясника с женой, то я уже слышала, — спокойно произнесла ведьма.

— Да при чём тут мясник! У нас новый житель!

— Надеюсь, его тоже не нужно лечить?

— Пока нет. Но с его ловкостью это ненадолго.

Мирта поставила свёрток на прилавок и подошла к окну. Некоторое время она с нескрываемым интересом наблюдала за разгрузкой повозки, после чего сообщила, что приезжий прибыл из самой столицы. По её наблюдениям, молодой человек был слишком худым, совершенно нескладным и, что вызывало у неё особенное недоумение, приехал без жены и детей.

— Возможно, он просто предпочитает путешествовать без сопровождения, — заметила Агата.

— В таком возрасте? Без жены, без детей? Подозрительно.

— Мирта, ты вышла замуж в двадцать один год. Это не значит, что все остальные обязаны повторять твой подвиг.

— А я и не говорю, что обязаны. Просто интересно.

— Тебе всегда интересно.

— Разумеется. Кто-то ведь должен знать, что происходит в нашем городе.

Агата усмехнулась и вернулась к столу, однако Мирта не собиралась так быстро расставаться с новой темой для разговоров. Она продолжала рассказывать о незнакомце, хотя сама, судя по всему, знала о нём не больше, чем успела увидеть за последние несколько минут.

— Я слышала, он купил какое-то оборудование. Много ящиков, все тяжёлые. Интересно, чем торговать собирается?

— Скоро узнаем.

— А вдруг откроет кондитерскую?

— Тогда тебе придётся с ним конкурировать.

Мирта заметно помрачнела.

— Вот уж нет. Одной пекарни городу вполне достаточно.

Агата рассмеялась.

— А мне казалось, ты сторонница добрососедских отношений.

— Разумеется! Пока соседи не пытаются продавать булочки дешевле моих.

— Какая неожиданная позиция.

— Не язви, Агата.

Мирта ещё несколько минут наблюдала за разгрузкой, комментируя каждое движение приезжего. Затем вспомнила, что оставила мужа одного присматривать за выпечкой, и поспе-

шила обратно. Правда, прежде чем уйти, успела напомнить ведьме о вечернем ужине, на который приглашала её ещё вчера. Агата отделалась уклончивым ответом, прекрасно зная, что никуда не пойдёт. Когда дверь за пекаршей закрылась, она покачала головой и вновь принялась за травы, стараясь не обращать внимания на шум за окном.

Однако сделать это оказалось сложнее, чем она предполагала. То что-то грохотало, то раздавался звон стекла, то незнакомый мужской голос торопливо извинялся перед возницей. В какой-то момент Агата услышала особенно выразительный стук, за которым последовало приглушённое ругательство. Она тяжело вздохнула и снова выглянула наружу.

Приезжий стоял посреди улицы и разглядывал деревянную лестницу, прислонённую к фасаду его будущей лавки. Рядом на земле лежала большая прямоугольная вывеска, завёрнутая в плотную ткань. Мужчина несколько раз переставил лестницу, проверяя её устойчивость, после чего нагнулся за вывеской.

Агата заинтересованно склонила голову. Наконец-то можно будет узнать, что именно собирается продавать новый сосед.

Теодор считал себя человеком достаточно образованным, чтобы справиться с такой простой задачей, как установка вывески. В конце концов, он пять лет изучал фармацевтику, разбирался в сложных лекарственных составах и умел выполнять точные расчёты. Неужели несколько гвоздей и деревянная доска способны доставить ему серьёзные затруднения?

Как выяснилось, способны.

Сначала оказалось, что старые крепления над дверью расположены слишком высоко. Затем выяснилось, что лестница, найденная в подсобном помещении, немного короче, чем хотелось бы. Наконец, после долгих размышлений Теодор обнаружил, что мостовая перед входом имеет небольшой уклон, из-за которого лестница никак не желает стоять ровно. Он несколько раз переставил её с места на место, а затем подложил под одну ножку деревянную дощечку. Конструкция выглядела достаточно устойчивой, во всяком случае, первые несколько секунд.

Теодор отошёл на пару шагов, критически осмотрел результат и удовлетворённо кивнул. Затем взял молоток, несколько гвоздей и осторожно поднял вывеску. Она оказалась тяжелее, чем представлялось при заказе, но молодой человек не собирался отступать перед подобными трудностями. Убедив себя, что всё непременно получится, он взобрался на третью ступеньку и попытался пристроить вывеску на старые металлические крючья.

Один край послушно лёг на место, зато второй никак не желал совпадать с креплением. Теодор наклонился, стараясь рассмотреть отверстие в доске, и почувствовал, как очки предательски поползли вниз. Он машинально попытался поправить их локтем, и именно в этот момент лестница слегка покачнулась.

— Только не сейчас... — пробормотал юноша.

Он осторожно перенёс вес на другую ногу. Лестница жалобно скрипнула, но, казалось, удержалась. Ободрённый успехом, фармацевт потянулся к последнему креплению, не заметив, как деревянная дощечка под правой ножкой начала медленно выскальзывать.

Всё произошло удивительно быстро. Лестница резко накренилась, вывеска вырвалась из рук, а сам Теодор, отчаянно пытаясь ухватиться за что-нибудь, сумел лишь сбить очки с собственного носа. Он рухнул вниз, зацепив плечом край деревянного ящика. Послышался грохот, что-то звонко разбилось, а затем наступила тишина.

На противоположной стороне улицы Агата выронила пучок зверобоя.

— Да чтоб тебя!

Она бросилась к двери, едва не столкнувшись с входившим Филиппом. Не успел старик и слова произнести, как ведьма велела ему подождать и выбежала на улицу.

Возле новой лавки уже собирались прохожие. Кто-то охал, кто-то спрашивал, не нужна ли помощь, а один любопытный мальчишка пытался заглянуть за спины взрослых. В центре

всего этого беспорядка, среди разбросанных инструментов и обломков ящика, сидел молодой человек с таким несчастным выражением лица, словно только что лишился не только вывески, но и всех надежд на счастливое будущее.

Агата решительно протиснулась сквозь толпу и опустилась на колени возле пострадавшего.

— Вы меня слышите?

— К сожалению, да, — отозвался тот.

— Замечательно. Головой ударились?

— Кажется, нет.

— Как вас зовут?

— Теодор Маррен.

— Хорошо, Теодор. Где болит?

— Больше всего гордость.

Агата невольно усмехнулась.

— С ней я вам точно не помогу. А что-нибудь ещё?

Юноша осторожно пошевелил правой рукой и поморщился. Плечо неприятно ныло, а попытка согнуть запястье отозвалась резкой болью. Ведьма попросила его пока не двигаться и принялась внимательно осматривать повреждения. К счастью, падение оказалось не таким страшным, как выглядело со стороны. Теодор отделался несколькими ушибами, ссадиной на локте и растяжением запястья. Очки же обнаружились под перевернутым ящиком, причём каким-то невероятным образом уцелели.

Агата подняла их с земли, осторожно стряхнула пыль и протянула хозяину. Теодор поблагодарил незнакомку, надел очки и впервые сумел как следует её рассмотреть. Перед ним стояла молодая женщина с длинными каштановыми волосами, заплетёнными в свободную косу. Её зелёное платье было украшено тонкой вышивкой на манжетах, а на поясе висел небольшой кожаный мешочек, из которого торчали веточки каких-то растений. На вид ей было не больше двадцати пяти, однако держалась она с уверенностью человека, привыкшего распоряжаться всеми вокруг.

— Вы лекарь? — спросил Теодор.

— Можно и так сказать.

— Тогда, возможно, мне лучше...

— Для начала вам лучше перестать разговаривать и дать осмотреть руку.

Она осторожно взяла его за запястье, отчего юноша невольно поморщился. Агата попросила его сказать, когда становится больно, и слегка повернула кисть. Теодор немедленно вскрикнул, чем вызвал у ведьмы удовлетворённый кивок.

— Ясно.

— Что ясно?

— Что в ближайшее время вам следует держаться подальше от лестниц.

Теодор тяжело вздохнул.

— Боюсь, это я уже понял.

Агата положила ладонь над его запястьем и прикрыла глаза. Между её пальцами вспыхнуло мягкое золотистое свечение, которое медленно окутало повреждённую руку. Юноша удивлённо замер, почувствовав сначала лёгкое покалывание, затем приятное тепло, постепенно распространявшееся от запястья к локтю. Боль начала стихать, а напряжённые мышцы расслабились.

— Вот так, — произнесла ведьма. — Уже лучше?

Теодор осторожно пошевелил пальцами.

— Значительно.

Он с любопытством посмотрел на её ладонь.

— Интересно...

— Что именно?

— Я чувствовал тепло, но температура кожи почти не изменилась. Вы воздействовали непосредственно на повреждённые ткани?

Агата приподняла бровь.

— Простите?

— Ну, я имею в виду механизм действия вашего заклинания. Оно усиливает естественную регенерацию или каким-то образом изменяет...

— Молодой человек, — перебила ведьма, — вы только что свалились с лестницы. Может, сначала убедимся, что вы способны самостоятельно стоять?

Теодор смущённо извинился и принял предложенную руку. Поднявшись, он оказался довольно высоким, хотя из-за привычки сутулиться это не сразу бросалось в глаза. Юноша неловко отряхнул пыль с одежды, поправил перекосившийся жилет и попытался пригладить растрёпанные волосы, но без особого успеха.

Агата бросила взгляд на его худощавую фигуру и невольно задумалась, когда этот человек в последний раз нормально ел. Впрочем, обсуждать подобные вещи с совершенно незнакомым мужчиной было бы невежливо даже для неё. Поэтому она ограничилась советом не нагружать повреждённое запястье и обязательно обработать ссадину.

— У меня есть необходимые средства, — заверил её Теодор.

— Прекрасно. Тогда надеюсь, что хотя бы пользоваться ими вы умеете лучше, чем лестницей.

Среди собравшихся прохожих послышались смешки. Молодой человек покраснел и поспешил объяснить, что обычно бывает довольно ловким. В этот момент его локоть задел стоявший рядом пустой ящик, который с грохотом опрокинулся на мостовую.

Агата медленно перевела взгляд с ящика на юношу.

— Вижу.

— Сегодня просто неудачный день, — пробормотал Теодор.

— Надеюсь, остальные будут безопаснее.

Филипп, наблюдавший за происходящим с тротуара, весело хмыкнул и заметил, что приезжему стоило бы почаще наведываться в целебную лавку. По его словам, с Агатушкой никогда не бывало скучно. Теодор удивлённо посмотрел на старика, а затем перевёл взгляд на женщину, которая только что оказала ему помощь.

— Агатушкой?

— Конечно! — отозвался сапожник. — Это же наша ведьма!

Фармацевт застыл.

— Ведьма?

Агата сложила руки на груди.

— А что, не похожа?

Он перевёл взгляд на её лицо, затем на пояс с травами и наконец на противоположную сторону улицы, где над входом в целебную лавку висела знакомая вывеска.

— Вы... госпожа Вереск?

— Собственной персоной.

— О!

На лице юноши отразилась целая череда чувств: удивление, смущение, любопытство и, наконец, явное облегчение. Он принялся объяснять, что уже слышал о местной целительнице, но не ожидал познакомиться с ней столь необычным образом. Агата выслушала его, после чего поинтересовалась, зачем он вообще полез на столь ненадёжную лестницу.

— Мне нужно было повесить вывеску.

— Это я уже поняла. Не проще было нанять кого-нибудь, кто умеет это делать?

— Я хотел справиться самостоятельно.

— Получилось?

Теодор покосился на лежавшую в пыли доску.

— Не совсем.

— Поразительная наблюдательность.

Филипп громко рассмеялся и, решив, что пострадавшему больше ничего не угрожает, попрощался с ведьмой. Остальные прохожие тоже постепенно разошлись, хотя несколько человек напоследок с интересом посмотрели на новую вывеску. Агата собиралась вернуться к работе, но заметила, что Теодор снова потянулся к лестнице.

— Даже не думайте!

Юноша вздрогнул.

— Простите?

— Я сказала, не смейте снова на неё забираться!

— Но мне нужно закончить...

— Господин Маррен, если вы сейчас опять свалитесь, я начну брать с вас плату за каждое последующее падение. Причём двойную.

Он посмотрел на неё с таким искренним огорчением, что ведьма невольно смягчилась. Некоторое время она наблюдала, как фармацевт пытается подобрать слова для возражения, затем тяжело вздохнула и протянула руку.

— Давайте сюда вашу вывеску.

— Зачем?

— Повешу.

Теодор заморгал.

— Вы?

— Нет, конечно. Сейчас позову дракона. Он как раз специализируется на вывесках.

Юноша смущённо улыбнулся и поспешил объяснить, что вовсе не хотел её обидеть. Агата велела ему перестать задавать глупые вопросы, после чего подошла к упавшей доске и осторожно развернула ткань. К счастью, вывеска почти не пострадала. Лишь на одном из углов появилась небольшая царапина, которую вполне можно было скрыть краской.

Ведьма подняла доску, собираясь рассмотреть крепления, и вдруг замерла.

На деревянной поверхности аккуратными синими буквами было написано: «АПТЕКА ТЕОДОРА МАРРЕНА». Ниже располагалась надпись поменьше: «Лекарственные средства, порошки, микстуры и фармацевтические препараты».

Агата медленно повернулась к юноше.

— Аптека?

Теодор просиял.

— Да! Я фармацевт.

Ведьма посмотрела на вывеску, затем на стоявшие возле входа ящики и снова на его довольное лицо.

— Фармацевт, — повторила она.

— Совершенно верно. Окончил столичную академию, несколько лет работал в крупной аптеке, а теперь решил открыть собственное дело.

Он говорил с такой искренней гордостью, что Агата на мгновение растерялась. Впрочем, удивление быстро уступило место недовольству. Она оглянулась на свою лавку, затем снова посмотрела на вывеску.

— И вы собираетесь продавать лекарства?

— Именно!

— Здесь?

— Да.

— Прямо напротив моей лавки?

Теодор оглянулся на противоположную сторону улицы, словно только сейчас осознал всю необычность расположения своего будущего предприятия.

— Полагаю, да.

Ведьма сузила глаза.

— И вас это нисколько не смущает?

— А должно?

Агата медленно выпрямилась. Она прожила в Рябиновом Броде сто шестьдесят три года, большую часть которых занималась целебным колдовством, помогала горожанам справляться с болезнями и считалась единственным постоянным специалистом по лечению в округе. Конечно, приезжие лекари иногда останавливались здесь, но никто прежде не пытался открыть собственную аптеку прямо напротив её дома. И вот теперь какой-то нескладный юнец, который даже вывеску повесить не способен, решил заняться тем же самым!

— Господин Маррен, — произнесла она подчёркнуто вежливо, — вы понимаете, что здесь уже есть целебная лавка?

— Конечно. Я видел вывеску.

— И всё равно решили открыть аптеку?

— Да.

— Почему?

Теодор немного растерялся.

— Потому что я фармацевт.

— Это я уже слышала.

— И потому что хочу лечить людей.

— А я, по-вашему, чем занимаюсь? Развлекаю прохожих золотистыми огоньками?

— Нет, разумеется! Я вовсе не это имел в виду.

Он поправил очки и попытался объяснить, что лекарственные препараты и целебное колдовство представляют собой разные методы лечения, каждый из которых имеет собственные преимущества и ограничения. По мнению Теодора, далеко не все заболевания можно вылечить травами или магическим воздействием. Иногда требовались вещества определённого состава и точной дозировки.

Агата почувствовала, как внутри неё начинает закипать раздражение.

— Вы полагаете, что я не умею определять дозировку?

— Нет! Я не это сказал.

— Но именно это подразумевали?

— Я просто объясняю, что фармацевтика...

— Молодой человек, я занималась приготовлением лекарств ещё до рождения вашего дедушки!

Теодор замолчал. Несколько мгновений он внимательно смотрел на ведьму, словно пытался решить в уме какую-то сложную задачу. Затем его лицо приобрело выражение крайнего любопытства.

— Простите за нескромный вопрос, а сколько вам лет?

Агата вскинула подбородок.

— Сто шестьдесят три.

— О! Значит, вы действительно не стареете?

— Как видите.

— Поразительно! А это врождённое свойство или результат какого-то магического воздействия?

Агата моргнула. Она ожидала чего угодно: недоверия, восхищения, возможно, даже страха. Но уж точно не того, что этот человек начнёт расспрашивать её о природе бессмертия посреди улицы, стоя рядом с опрокинутой лестницей.

— Это не ваше дело.

Теодор мгновенно смутился и принялся извиняться. Он объяснил, что не хотел показаться невежливым, но с научной точки зрения подобное явление представляло огромный интерес. Агата, однако, не собиралась обсуждать особенности собственного организма с человеком, которого впервые увидела меньше часа назад.

— Очень рада за вашу научную точку зрения, — холодно ответила она.

— Вы неправильно меня поняли.

— А по-моему, всё предельно ясно. Вы приехали в город, где люди прекрасно обходились без вашей аптеки, и собираетесь торговать лекарствами прямо напротив меня.

— Но разве это плохо? — искренне удивился Теодор. — Чем больше возможностей получить помощь, тем лучше для жителей.

— Разумеется, — процедила ведьма. — Особенно если один из этих замечательных специалистов не способен позаботиться даже о собственной безопасности.

Юноша покраснел.

— Падение с лестницы никак не связано с моей профессиональной квалификацией.

— Очень надеюсь.

Они замолчали. Теодор смотрел на Агату с растущим недоумением, а ведьма, в свою очередь, пыталась понять, как столь скромный с виду молодой человек умудрился за несколько минут вывести её из себя.

Самое неприятное заключалось в том, что формально он не сделал ничего дурного. Напротив, отвечал вежливо, благодарил за помощь и даже не пытался оспаривать её способности. Но спокойная уверенность, с которой он рассуждал о необходимости своей аптеки, раздражала Агату сильнее любой откровенной дерзости.

— Госпожа Вереск, я вовсе не собираюсь с вами воевать, — осторожно произнёс Теодор.

— Какое облегчение.

— Правда. Я надеялся, что мы сможем мирно сосуществовать.

Агата хмыкнула.

— Что ж, поживём — увидим.

Она опустила взгляд на вывеску, которую всё ещё держала в руках. Некоторое время ведьма колебалась, затем тяжело вздохнула и попросила Теодора передать ей крепления. Молодой человек с удивлением посмотрел на неё, явно не ожидая, что после столь неприятного разговора она всё ещё собирается ему помогать.

— Но теперь вы знаете, что я собираюсь открыть аптеку, — напомнил он.

— Представьте себе, заметила.

— И всё равно...

— Господин Маррен!

Он немедленно замолчал и протянул ей гвозди.

Агата подошла к стене, внимательно осмотрела старые металлические крючья и поморщилась. Крепления выглядели настолько ненадёжными, что вывеска непременно упала бы при первом сильном ветре. Она достала из поясного мешочка небольшой металлический стержень, провела им вдоль стены и что-то тихо прошептала. Старые крючья засветились, затем медленно выпрямились, словно сделанные из мягкой глины. Ржавчина осыпалась на землю, а металл приобрёл ровный тёмный блеск.

Теодор заворожённо наблюдал за происходящим.

— Невероятно...

— Обычное укрепляющее заклинание.

— Но вы изменили структуру металла!

— Я укрепила крепления, — поправила ведьма. — Для вывески этого достаточно.

Затем она подняла руку, и тяжёлая деревянная доска плавно оторвалась от земли. Теодор невольно отступил на шаг, когда вывеска проплыла мимо него и остановилась точно над входом. Агата слегка повела пальцами, направляя её к металлическим крючьям. Раздался тихий щелчок, и доска надёжно закрепилась на стене.

— Вот и всё.

Она опустила руку. Теодор несколько секунд молча смотрел вверх, после чего признался, что никогда прежде не задумывался о пользе магии при установке вывесок. Агата посмотрела на него, пытаясь понять, не шутит ли он. Судя по совершенно серьёзному выражению лица, молодой фармацевт действительно размышлял о практической пользе колдовства для строительных работ. Это оказалось настолько неожиданным, что ведьма невольно рассмеялась.

— Я сказал что-то смешное? — удивился Теодор.

— Нет, господин Маррен. Совершенно ничего.

Она покачала головой и направилась к своей лавке. Теодор поспешил поблагодарить её за помощь и лечение, но Агата лишь посоветовала ему впредь быть осторожнее. Обернувшись, она заметила, как он сделал шаг назад и едва не наступил на лежавший у его ног молоток.

— Боги, дайте мне терпения... — пробормотала ведьма.

Вернувшись в лавку, Агата первым делом заварила себе крепкий травяной чай. Она поставила чашку на стол, села в кресло возле окна и мрачно уставилась на новую вывеску, теперь красовавшуюся прямо напротив её собственной.

Надпись выглядела аккуратно и даже красиво. Синие буквы хорошо сочетались со светлым деревом, а по краям доски были нарисованы небольшие листья и стеклянные флаконы. Агата недовольно поджала губы. Новый аптекарь мог хотя бы выбрать улицу подальше от её лавки! В конце концов, в Рябиновом Броде хватало свободных помещений. Почему же из всех возможных он остановился именно на этом?

Ведьма сделала глоток чая, обожгла язык и раздражённо поставила чашку обратно. В этот момент дверь открылась, впуская Филиппа, который, по всей видимости, решил наконец получить то, за чем приходил утром.

— Ну что, Агатушка, жива?

Ведьма бросила на него сердитый взгляд.

— А должна была умереть?

— Да нет, просто ты так быстро выбежала, что я уж подумал, случилось что-то серьёзное.

— Случилось, — сухо ответила она. — В нашем городе появился новый фармацевт.

Сапожник проследил за её взглядом.

— А-а-а! Этот, что с лестницы свалился? Хороший вроде парень.

Агата возмущённо посмотрела на него.

— Ты с ним даже не знаком!

— Зато видел, как он после падения перед всеми извинялся. Воспитанный.

— От воспитанности ещё никто не научился правильно пользоваться лестницей.

Филипп усмехнулся и подошёл к прилавку. Он попросил ещё одну баночку мази для суставов, объяснив, что собирается передать её брату, который тоже страдал от постоянной боли в руках. Агата удивилась, почему тот не пришёл самостоятельно, и получила весьма неожиданный ответ: оказывается, брат Филиппа попросту её боялся.

— Меня?! — возмутилась ведьма.

— Ну да. Говорит, ты его каждый раз за курение ругаешь.

— Потому что он кашляет так, словно собирается выплюнуть собственные лёгкие!

— Вот видишь, — довольно произнёс Филипп. — Именно поэтому и боится.

Агата тяжело вздохнула, но всё же достала с полки нужную баночку. Пока она заворачивала её в плотную бумагу, старик с интересом рассматривал аптеку напротив. Там Теодор вместе с возницей заносил последние ящики, осторожно переступая через разбросанные инструменты.

— А знаешь, — задумчиво произнёс Филипп, — может, оно и к лучшему.

— Что именно?

— Новый аптекарь. Ты ведь одна на весь город. Сама посуди: сколько к тебе народу ходит? А если кто ночью заболеет? Или ты куда-нибудь уедешь?

— Я почти никуда не уезжаю.

— Вот именно! Всё работаешь да работаешь. А отдыхать когда?

Агата завязала бумажный свёрток немного туже, чем требовалось.

— Я бессмертна, Филипп. У меня достаточно времени для отдыха.

— Времени-то достаточно, — согласился сапожник. — А желания нет.

Он положил деньги на прилавок и забрал мазь. Прежде чем уйти, старик посоветовал ведьме не сердиться на нового соседа. По его мнению, молодой фармацевт мог оказаться весьма приятным человеком, с которым Агата ещё непременно подружится.

Ведьма издала короткий смешок.

— Непременно. Будем вместе пить чай и обсуждать недостатки моих снадобий.

— Вот и славно!

— Филипп, это был сарказм!

— Знаю, Агатушка. Знаю.

Старик подмигнул ей и направился к выходу. Когда дверь закрылась, ведьма раздражённо покачала головой. Подружиться с аптекарем! Какая нелепость.

Она прожила больше полутора веков, прекрасно обходясь без подобных знакомств. Ей совершенно не требовался молодой человек, который собирался торговать лекарствами напротив её дома и задавать бесконечные вопросы о магии. К тому же он был всего лишь смертным.

Эта мысль возникла совершенно неожиданно.

Агата невольно вспомнила его худое запястье, которое несколько часов назад держала в ладони. Под кожей чувствовалось быстрое биение пульса, а при малейшем движении повреждённые мышцы отзывались болью. Человеческое тело было удивительно хрупкой вещью, и ведьма знала это лучше многих.

Она видела, как крепкие молодые мужчины превращались в седых стариков, как некогда красивые женщины постепенно теряли силы, а звонкие детские голоса сменялись хриплыми голосами пожилых людей. В конце концов всё заканчивалось одинаково. Агата решительно отогнала воспоминания и вернулась к приготовлению настойки.

Какое ей дело до приезжего фармацевта? Скорее всего, он задержится здесь на несколько лет, заработает денег и отправится дальше. А она останется в Рябиновом Броде, как оставалась всегда.

Именно такой порядок вещей её вполне устраивал.

К вечеру Теодор наконец закончил разгружать имущество. Густав получил причитающуюся плату, пожелал молодому фармацевту удачи и отправился обратно к главной площади, собираясь переночевать в местной гостинице. Оставшись один, юноша принялся осматривать результаты дневной работы.

Они выглядели весьма скромно. В главной комнате по-прежнему стояли нераспакованные ящики, полки покрывал тонкий слой пыли, а на полу валялись обрывки соломы. Лишь возле окна удалось организовать небольшое подобие рабочего места: стол, лабораторные весы, несколько книг и коробку с наиболее необходимыми инструментами. Теодор устало опустил на стул и принялся осторожно разминать пальцы правой руки.

Запястье почти не болело, хотя иногда всё ещё отзывалось неприятным ощущением при резком движении. Колдовство госпожи Вереск оказалось весьма эффективным. Фармацевт достал из кармана небольшую записную книжку, открыл её на чистой странице и записал несколько наблюдений. Его особенно интересовало ощущение тепла, возникшее во время лечения, и то, насколько быстро уменьшилась боль. Через несколько минут он обнаружил, что уже исписал половину страницы вопросами, на которые не мог ответить.

— Любопытно, — пробормотал Теодор.

Он отложил карандаш и поднялся, чтобы зажечь лампу. За окном постепенно темнело. На противоположной стороне улицы в окнах целебной лавки горел мягкий жёлтый свет, а за стеклом время от времени мелькала стройная фигура в зелёном платье.

Госпожа Вереск. Сто шестьдесят три года.

Теодор покачал головой, пытаясь представить себе столь долгую жизнь. Сколько всего можно было бы изучить за это время! Сколько открытий совершить! Возможно, Агата обладала знаниями, которые давно исчезли из обычных медицинских трактатов. В столице за возможность изучить подобный феномен многие учёные отдали бы целое состояние. Но сама ведьма, судя по её реакции, совершенно не желала становиться предметом исследований.

Молодой человек вздохнул. Кажется, их знакомство началось не слишком удачно. Он не понимал, почему госпожа Вереск так болезненно восприняла новость об открытии аптеки. Разве присутствие ещё одного специалиста не должно было облегчить её работу? Ведь даже самый искусный целитель не способен находиться одновременно в нескольких местах. Впрочем, Теодор достаточно хорошо знал человеческую природу, чтобы понимать: далеко не все руководствуются исключительно разумными соображениями. Некоторые люди просто не любят перемен.

Он снова посмотрел на вывеску напротив, затем перевёл взгляд на собственную, которую ведьма несколькими часами ранее повесила с такой лёгкостью, словно она ничего не весила. Теодор невольно улыбнулся. Несмотря на резкость и явное недовольство его приездом, госпожа Вереск не только вылечила его, но и помогла закончить работу. Это говорило о ней гораздо больше, чем все недружелюбные замечания.

— Что ж, госпожа Вереск, надеюсь, мы всё-таки поладим.

Он вернулся к рабочему столу, достал чистый лист бумаги и принялся составлять перечень лекарств, которые собирался выставить на продажу. Пока что запасов хватало лишь на самое необходимое. Впрочем, молодой человек рассчитывал постепенно расширять ассортимент, заказывая компоненты у поставщиков и самостоятельно изготавливая часть препаратов. Собственная аптека означала, что теперь он сможет назначать цены, которые считал справедливыми, не оглядываясь на требования прежнего работодателя.

Эта мысль заставила его невольно нахмуриться. Перед глазами на мгновение возник просторный столичный зал, заставленный дорогими лекарствами. Он вспомнил посетителей, которые уходили оттуда, не сумев расплатиться, и холодный голос человека, объяснявшего, что торговля не обязана заботиться о бедняках.

Теодор крепче сжал карандаш. Нет, здесь всё будет иначе.

Он тщательно записал стоимость компонентов, добавил расходы на изготовление и начал рассчитывать конечные цены. Первые результаты его вполне удовлетворили. Если не стремиться к чрезмерной прибыли, большинство препаратов можно продавать значительно дешевле, чем в столичных аптеках. Конечно, при небольшом обороте доходы окажутся скромными, но Теодор был готов к трудностям. Главное, чтобы лекарства оставались доступными.

Покончив с расчётами, он откинулся на спинку стула и довольно улыбнулся. Впервые за долгое время ему казалось, что всё складывается правильно.

Правда, он ещё не знал, сколько стоят целебные снадобья госпожи Вереск.

Агата погасила последнюю свечу в лавке и поднялась к себе. День выдался необычайно шумным. Несколько посетителей, заглянувших после обеда, почти не интересовались собственным здоровьем, зато с поразительным упорством пытались выяснить, что ведьма думает о новом аптекаре. Одни считали его появление прекрасной новостью, другие сомневались, что молодой человек сможет сравниться с опытной целительницей. Госпожа Дора даже предположила, что столичный фармацевт прибыл сюда специально, чтобы вывести секреты Агатиных снадобий.

Последнее ведьма сочла особенно нелепым, хотя после сегодняшнего разговора уже не была уверена, что эта мысль совершенно лишена оснований.

Она переоделась, поставила на кухонный стол тарелку с ужином и открыла окно, впуская свежий вечерний воздух. С улицы доносился стрёкот сверчков, а где-то вдалеке играла музыка. Вероятно, у Мирты уже собрались гости. Агата на мгновение задумалась о том, чтобы всё же заглянуть к ним хотя бы ненадолго, но быстро отказалась от этой идеи. После столь насыщенного дня ей хотелось тишины.

Однако стоило усесться за стол, как с противоположной стороны улицы раздался громкий стук, а затем ещё один. Ведьма медленно повернула голову и обнаружила, что в окне новой аптеки по-прежнему горит свет. Теодор, судя по всему, продолжал заниматься обустройством помещения. Время от времени за стеклом мелькала его высокая фигура, слышался скрип передвигаемой мебели и негромкое звяканье стеклянных сосудов.

— Неужели нельзя закончить завтра? — пробормотала Агата.

Словно в ответ, из соседнего здания донёсся очередной грохот. Ведьма тяжело вздохнула и покачала головой. Только бы ничего не разбил! Она сделала несколько глотков чая и попыталась сосредоточиться на ужине, однако через некоторое время снова обнаружила, что смотрит в окно.

Теодор стоял за столом, склонившись над какими-то бумагами. Время от времени он поднимал голову, поправлял очки и что-то записывал. Свет лампы освещал его сосредоточенное лицо, растрёпанные волосы и тонкие пальцы, которыми он придерживал листы. Ведьма невольно вспомнила, с какой искренней гордостью юноша рассказывал о своей профессии.

Возможно, он действительно был хорошим специалистом. Во всяком случае, ей хотелось надеяться, что за пределами лестничных происшествий его способности проявлялись гораздо успешнее. Агата усмехнулась собственным мыслям и раздражённо одёрнула занавеску.

— Ну уж нет, господин Маррен. Не рассчитывайте, что я стану вашими успехами восхищаться.

Она захлопнула окно и вернулась к столу, но спустя несколько минут вдруг поймала себя на том, что улыбается. Это было довольно странно. Новый сосед успел за один день свалиться с лестницы, устроить беспорядок посреди улицы, задать ей несколько совершенно бестактных вопросов и объявить об открытии аптеки прямо напротив её собственной лавки. Разумеется, никакой радости от такого знакомства она испытывать не могла. И всё же в памяти почему-то всплывало его смущённое лицо, когда он уверял её, что обычно довольно ловок.

Агата тихонько рассмеялась.

— Нескладный бедолага.

Она погасила лампу и отправилась спать. Завтра предстояло немало работы. Нужно было приготовить новую партию настойки от кашля, перебрать сушёные растения и обязательно проверить, как заживает рука Левона. А ещё следовало выяснить, что именно собирается продавать этот столичный выскочка.

Ведьма остановилась посреди спальни и раздражённо покачала головой. Нет, не следовало. Ей совершенно не было до него дела.

Забравшись под одеяло, Агата закрыла глаза и постаралась уснуть. Но впервые за долгое время её мысли были заняты не воспоминаниями о прошлом и не тревогами о будущем. Она

думала о новом соседе, и это обстоятельство раздражало её едва ли не сильнее, чем сама перспектива появления конкурента.

Тем временем на противоположной стороне улицы Теодор Маррен завершал расчёты, совершенно не подозревая, что завтра утром его аккуратно составленный прейскурант станет причиной настоящей войны. Впрочем, пока молодой фармацевт был уверен, что жители Рябинового Брода непременно оценят его старания.

Особенно госпожа Вереск.

Глава 3 На одну монету дешевле

Утро в Рябиновом Броде началось с чрезвычайно важного события: госпожа Дора обнаружила, что её соседка снова развесила бельё так, что простыни загораживали вид из окна. Вслед за этим выяснилось, что у пекаря подгорела первая партия булочек, а городской староста, несмотря на ясное небо, предсказал скорый дождь. Но главная новость ожидала жителей на Цветочной улице, где столичный фармацевт Теодор Маррен собирался наконец открыть свою аптеку.

Сам Теодор ещё накануне вечером понял, что откладывать открытие больше нельзя. Первоначально он собирался потратить на подготовку помещения не меньше десяти дней, тщательно разложить препараты по полкам, установить лабораторное оборудование и убедиться, что всё выглядит достаточно представительно. Однако после очередного подсчёта оставшихся сбережений пришёл к выводу, что трёх дней вполне достаточно. Почти все деньги ушли на закупку лекарственных компонентов, оборудование, перевозку имущества и аренду, а потому дальнейшее промедление грозило оставить его без средств к существованию. В конце концов, посетителям были нужны лекарства, а не красивые шкафчики.

К рассвету он уже стоял посреди торгового зала, держа в одной руке влажную тряпку, а в другой — лист бумаги с перечнем последних необходимых дел. Полы были вымыты, окна очищены от многолетней пыли, а на полках аккуратными рядами стояли стеклянные пузырьки, жестяные коробочки и небольшие керамические баночки. На каждом сосуде красовалась этикетка с названием препарата, его составом и указаниями по применению. Теодор лично перепроверил все надписи дважды, а самые сложные — трижды, поскольку прекрасно понимал, к каким последствиям может привести даже незначительная ошибка в дозировке.

Единственное, что его не устраивало, — слишком пустой вид помещения. Большая часть полок оставалась незаполненной, а возле дальней стены стояли два нераспакованных ящика, которые никак не удавалось пристроить в подсобке. Фармацевт переставил на видное место несколько красивых флаконов, отошёл к двери и критически осмотрел результат. Лавка по-прежнему выглядела довольно скромно, но теперь хотя бы напоминала аптеку.

— Для начала сойдёт, — пробормотал он, снимая с крючка небольшую деревянную табличку с надписью «Открыто».

Однако прежде чем выйти наружу, Теодор решил в последний раз проверить прейскурант. Молодой человек ещё раз внимательно изучил цифры, сверил несколько расчётов на полях и удовлетворённо кивнул. Прибыль получалась небольшой, зато доступные цены должны были привлечь первых покупателей. Он закрепил лист рядом с входом, отступил на несколько шагов и поправил очки. Всё было готово, оставалось только дожидаться посетителей.

К сожалению, посетители не особенно торопились. Первые полчаса Теодор провёл за прилавком, старательно изображая занятого человека. Он переставлял пузырьки, вытирал совершенно чистые весы и несколько раз перечитывал собственные записи. Каждый звук шагов за окном заставлял его поднимать голову, но прохожие либо направлялись к пекарне, либо сворачивали на площадь. Некоторые останавливались возле вывески, рассматривали прейскурант и уходили, даже не заглянув внутрь.

Теодор уже начал подозревать, что допустил серьёзную ошибку, когда над входной дверью наконец звякнул колокольчик. На пороге стояла пожилая женщина в лиловом платье, украшенном таким количеством кружев, что фармацевт невольно задумался, сколько времени уходит на их стирку. В руках посетительница держала небольшую плетёную сумочку, а выражение её лица не оставляло сомнений: она пришла с намерением подвергнуть новое заведение самой тщательной проверке.

— Доброе утро! — радостно произнёс Теодор. — Добро пожаловать в аптеку Маррена!

— Значит, это вы и есть тот самый приезжий? — поинтересовалась женщина, медленно оглядывая помещение.

— Теодор Маррен, к вашим услугам.

— Дора Клинт. Живу на Мельничной улице, возле дома с красными ставнями. Хотя вам это, наверное, ни о чём не говорит. Вы ведь только приехали.

— Совершенно верно, госпожа Клинт. Чем могу помочь?

Госпожа Дора подошла к прилавку и некоторое время внимательно изучала расставленные на полках лекарства. Затем сообщила, что уже несколько недель страдает от бессонницы, а настой, который ей обычно готовит Агата, действует недостаточно быстро. Теодор вежливо предложил присесть и задал несколько вопросов о её самочувствии, распорядке дня и принимаемых средствах. Пожилая женщина отвечала охотно, хотя заметно удивилась, когда фармацевт поинтересовался, не пьёт ли она крепкий чай перед сном. Выяснилось, что пьёт, причём по несколько чашек, поскольку считает его прекрасным средством от усталости.

— А ещё иногда добавляю немного вишнёвой настойки, — призналась она. — Для успокоения нервов.

— Боюсь, это может мешать вашему сну, — задумчиво произнёс Теодор. — Особенно если настойка крепкая. Я бы посоветовал сначала изменить вечерние привычки, а уже потом прибегать к дополнительным средствам.

— Молодой человек, я пришла за лекарством, а не за советами о чае.

— Разумеется. Просто важно понимать причину недомогания.

— Причина в том, что я не сплю!

Теодор поправил очки и терпеливо объяснил, что бессонница может возникать по самым разным причинам, поэтому одинаковое средство подходит далеко не всем. Он предложил посетительнице мягкий успокаивающий препарат и подробно рассказал, как его использовать. Госпожа Дора выслушала объяснения, хотя по её выражению было трудно определить, осталась ли она довольна. Зато стоило молодому человеку назвать стоимость флакона, как пожилая женщина заметно оживилась.

— Семь монет? — переспросила она.

— Именно, госпожа Клинт.

— Странно. У Агаты похожая настойка стоит восемь.

— Возможно, у нас разный состав, — заметил Теодор. — Мой препарат содержит очищенные экстракты нескольких растений, поэтому для его приготовления требуется меньше сырья.

Госпожа Дора прищурилась.

— То есть он хуже?

— Нет, почему же?

— Но дешевле!

— Более низкая цена не обязательно означает низкое качество.

Женщина задумалась. По всему было видно, что подобная мысль прежде не приходила ей в голову. Некоторое время она рассматривала флакон, словно ожидала обнаружить в нём какой-нибудь подвох, затем поинтересовалась, полагается ли скидка за покупку двух штук. Получив отрицательный ответ, решила ограничиться одной бутылочкой.

Теодор проводил первую покупательницу до двери, поблагодарил за посещение и пожелал доброго дня. Госпожа Дора ответила рассеянным кивком, однако едва оказалась на улице, как остановила первую же знакомую, которой оказалась жена мельника, и громким шёпотом сообщила, что у нового аптекаря лекарства стоят дешевле, чем у ведьмы.

К сожалению для Агаты, громкость этого шёпота оказалась совершенно обычной.

Агата Вереск с самого утра подозревала, что день будет неудачным. Сначала она обнаружила, что закончились чистые стеклянные флаконы для настойки от кашля. Затем выясни-

лось, что одна из баночек с сушёным шалфеем отсырела, а приготовленная накануне мазь для суставов приобрела подозрительный голубоватый оттенок. Последнее означало, что в процессе приготовления ведьма отвлеклась на посторонние мысли и неправильно распределила магическую энергию. В результате несколько часов работы оказались потрачены впустую.

Она с неудовольствием вспомнила нескладного молодого человека, который последние три дня постоянно что-нибудь ронял, переставлял или прибавал на противоположной стороне улицы. По правде говоря, новый сосед раздражал её не столько шумом, сколько самим фактом своего присутствия. Прежде Цветочная улица была для ведьмы местом спокойным и предсказуемым. Каждое утро она открывала лавку, встречала знакомых посетителей, готовила снадобья и редко сталкивалась с чем-нибудь неожиданным. Теперь же стоило выглянуть в окно, как на глаза неизменно попадалась чужая вывеска.

«Аптека Теодора Маррена».

Особенно неприятно было осознавать, что именно она помогла её повесить.

— И зачем только его сюда принесло? — пробормотала Агата, выливая испорченную мазь в специальную ёмкость.

Ведьма поставила на плиту небольшой котелок и принялась отмерять ингредиенты для новой партии. В этот момент за окном послышался оживлённый разговор, на который она поначалу не обратила внимания. Однако стоило расслышать собственное имя, как рука с ложкой замерла над котелком.

— Да говорю же тебе, у Агаты дороже! — уверяла кого-то госпожа Дора. — Я только что купила средство от бессонницы. На целую монету меньше заплатила!

— Не может быть, — возразил женский голос. — У неё ведь колдовство настоящее.

— А он, значит, ненастоящий? Фармацевт всё-таки, из столицы приехал!

Агата медленно опустила ложку. На одну монету дешевле? Она подошла к окну и выглянула наружу. Возле новой аптеки стояли госпожа Дора, жена мельника и ещё две женщины, с интересом изучавшие преysкурант. Время от времени одна из них указывала на какую-нибудь строку, после чего остальные удивлённо переглядывались.

Какое-то время ведьма наблюдала за происходящим, пытаясь убедить себя, что это совершенно её не касается. Однако любопытство постепенно одержало верх. Она сняла с крючка лёгкую накидку, поправила волосы и вышла на улицу.

— Доброе утро, дамы, — произнесла Агата с самой приветливой улыбкой, на какую была способна.

Женщины обернулись. Госпожа Дора заметно оживилась, словно только и ждала её появления.

— Агатушка! А мы тут как раз тебя обсуждали!

— Какая неожиданность. Надеюсь, ничего дурного?

— Да что ты! Просто посмотри, какие у нового аптекаря цены!

Агата приблизилась к вывешенному возле двери преysкуранту и пробежала глазами первые несколько строк. Настойка от кашля стоила семь монет, успокаивающая микстура — столько же, мазь для суставов — девять, а средство от головной боли — пять. Ведьма нахмурилась и перечитала список внимательнее. Аналогичные по назначению снадобья в её лавке стоили соответственно восемь, восемь, десять и шесть монет. Получалось, что практически каждое средство нового аптекаря обходилось покупателям ровно на одну монету дешевле.

— Любопытно, — протянула она, стараясь сохранять спокойствие.

— Вот и я говорю! — подхватила госпожа Дора. — Неужели в столице всё настолько дешевле?

— Сомневаюсь.

— А может, он лекарства оптом покупает? — предположила жена мельника.

— Или сам изготавливает, — заметила другая женщина.

Агата медленно сложила руки на груди. Никаких сомнений в том, что цены были выбраны намеренно, у неё не оставалось. Она прекрасно помнила, как Теодор рассуждал о преимуществах фармацевтики и точных дозировках, а теперь этот самоуверенный мальчишка ещё и решил переманить её покупателей!

— Госпожа Вереск? — раздался знакомый голос.

Ведьма обернулась и обнаружила, что на пороге аптеки стоит сам виновник её испорченного настроения. На Теодоре была чистая белая рубашка, тёмный жилет и аккуратно повязанный шейный платок. Правда, волосы по-прежнему торчали в разные стороны, а очки немного съехали на нос. При виде Агаты молодой человек заметно обрадовался.

— Доброе утро! Как приятно, что вы заглянули. Хотите посмотреть аптеку?

— Благодарю, господин Маррен. Я уже посмотрела.

Он проследил за её взглядом и улыбнулся.

— Ах, прейскурант! Надеюсь, всё понятно написано? Я старался указать не только названия, но и назначение препаратов, чтобы посетителям было проще ориентироваться.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны.

Теодор, не уловив сарказма, благодарно кивнул.

— Я тоже так подумал.

Госпожа Дора хихикнула, а Агата почувствовала, что начинает терять терпение. Она ещё раз взглянула на список лекарств и решила выяснить, насколько давно молодой фармацевт занимается торговлей. Теодор охотно сообщил, что несколько лет проработал в столичной аптеке, но собственное дело открыл впервые.

— Заметно, — сухо ответила ведьма.

— Простите?

— Я говорю, что это заметно. Особенно по вашим ценам.

Теодор посмотрел на прейскурант.

— А что с ними не так?

— Вы прекрасно знаете, что с ними не так.

— Боюсь, не понимаю.

Агата глубоко вдохнула. Возле аптеки уже собралось несколько прохожих, привлечённых оживлённым разговором. Среди них оказался Филипп, который направлялся к сапожной мастерской и, разумеется, не мог пройти мимо столь занимательного события.

— Вы продаёте лекарства дешевле моих снадобий, — произнесла ведьма. — Причём почти все ровно на одну монету.

Теодор несколько секунд молчал, затем снова посмотрел на прейскурант.

— Действительно. Любопытное совпадение.

— Совпадение?!

— Ну, я составлял цены исходя из стоимости компонентов и расходов на изготовление. Разумеется, я интересовался местными расценками, но не сверял каждую позицию с вашими товарами.

— И случайно получилось дешевле?

— Судя по всему, да.

Агата недоверчиво покачала головой. За сто шестьдесят три года она слышала немало нелепых оправданий, но это, пожалуй, заслуживало отдельного места в её воспоминаниях. Теодор же явно не понимал, почему разговор внезапно принял такой неприятный оборот. В собственных расчётах он был совершенно уверен, а потому предложил подробно объяснить, каким образом определял стоимость препаратов.

— Прежде всего я учитываю цену сырья, время изготовления, расходы на оборудование и небольшую прибыль, необходимую для продолжения работы. Поскольку часть препара-

тов готовлю самостоятельно, а поставщиков нашёл напрямую, мне удаётся немного сократить затраты.

— И, разумеется, вас совершенно не интересует, сколько стоят аналогичные средства у меня?

— Я хотел предложить жителям доступное лечение.

— Ах вот оно что! — воскликнула Агата, выпрямляясь. — Значит, вы решили, что я слишком дорого беру за свои снадобья?

— Я этого не говорил.

— Зато весьма убедительно продемонстрировали!

— Госпожа Вереск, я не собираюсь оценивать вашу работу. Мы используем разные методы лечения, поэтому прямое сравнение цен не всегда правильно.

— Однако сравнивать наши методы вам это совершенно не мешает.

Теодор поправил очки. Ему начинало казаться, что ведьма намеренно ищет в каждом его слове какой-нибудь скрытый упрёк. Он попытался ещё раз объяснить, что наука и магия могут существовать независимо друг от друга, а разные заболевания требуют разных способов лечения. Однако стоило ему упомянуть, что лекарственные препараты иногда оказываются эффективнее травяных отваров, как Агата возмущённо вскинула голову.

— Вы полагаете, что я не умею определять дозировку?

— Нет! Я не это сказал.

— Но именно это подразумевали?

— Я просто объясняю, что фармацевтика...

— Молодой человек, я занималась приготовлением лекарств ещё до рождения вашего дедушки!

Теодор замолчал. Несколько мгновений он внимательно смотрел на ведьму, словно пытался решить в уме какую-то сложную задачу. Затем его лицо приобрело выражение крайнего любопытства.

— Простите за нескромный вопрос, а сколько вам лет?

Агата вскинула подбородок.

— Сто шестьдесят три.

— О! Значит, вы действительно не стареете?

— Как видите.

— Поразительно! А это врождённое свойство или результат какого-то магического воздействия?

Агата моргнула. Она ожидала чего угодно: недоверия, восхищения, возможно, даже страха. Но уж точно не того, что этот человек начнёт расспрашивать её о природе бессмертия посреди улицы, стоя рядом с собственным преискурантом. Ведьма сухо заметила, что особенности её организма совершенно его не касаются, однако Теодор поспешил объяснить, что с научной точки зрения подобное явление представляет огромный интерес.

— Очень рада за вашу научную точку зрения, — холодно ответила она.

— Вы неправильно меня поняли.

— А по-моему, всё предельно ясно. Вы приехали в город, где люди прекрасно обходились без вашей аптеки, и собираетесь торговать лекарствами прямо напротив меня.

— Но разве это плохо? — искренне удивился Теодор. — Чем больше возможностей получить помощь, тем лучше для жителей.

— Разумеется, — процедила ведьма. — Особенно если один из этих замечательных специалистов не способен позаботиться даже о собственной безопасности.

Юноша покраснел и заметил, что падение с лестницы никак не связано с его профессиональной квалификацией. Агата выразила надежду, что это действительно так, после чего демонстративно отвернулась к преискуранту. Некоторое время они молчали. Теодор смотрел

на соседку с растущим недоумением, а ведьма пыталась понять, как столь скромный с виду молодой человек умудрился за несколько минут вывести её из себя.

Самое неприятное заключалось в том, что формально он не сделал ничего дурного. Напротив, отвечал вежливо, благодарил за помощь и даже не пытался оспаривать её способности. Но спокойная уверенность, с которой он рассуждал о необходимости своей аптеки, раздражала Агату сильнее любой откровенной дерзости.

— Госпожа Вереск, я вовсе не собираюсь с вами воевать, — осторожно произнёс Теодор.

— Какое облегчение.

— Правда. Я надеялся, что мы сможем мирно сосуществовать.

Агата хмыкнула.

— Что ж, поживём — увидим.

К тому времени, когда Мирта вышла из пекарни с корзиной свежих булочек, возле аптеки собралось уже около десятка человек. Хозяйка пекарни остановилась, удивлённо оглядела толпу и, заметив в её центре Агату, поспешила выяснить, что происходит. Филипп охотно объяснил, что местная ведьма и приезжий аптекарь никак не могут договориться из-за разницы в стоимости лекарств. Мирта быстро пробежала глазами прейскурант, после чего с пониманием кивнула. Теперь происходящее действительно казалось ей чрезвычайно интересным. Она нашла свободное место возле госпожи Доры, устроилась поудобнее и приготовилась слушать.

Между тем спор продолжался. Агата пыталась объяснить Теодору, что изготовление целебных снадобий требует не только растений, но и магической энергии, которую невозможно просто взять из воздуха. Некоторые заклинания отнимали столько сил, что после их применения ведьме приходилось отдыхать по несколько часов. Кроме того, значительную часть заработка она тратила на редкие ингредиенты, доставляемые из других земель. Теодор внимательно выслушал её объяснения и признал, что магическое лечение действительно может требовать существенных затрат. Однако это, по его мнению, не означало, что он обязан устанавливать такие же цены на собственные препараты.

— Я ведь не прошу вас продавать снадобья дешевле, — заметил он. — Почему же вы требуете этого от меня?

— Потому что вы занимаетесь демпингом!

Фармацевт нахмурился.

— Простите?

— Намеренно занижаете цены, чтобы переманить моих покупателей!

— Я не продаю лекарства в убыток, госпожа Вереск. Следовательно, речь не идёт о торговле ниже себестоимости.

— Ах, значит, теперь вы ещё и будете учить меня торговле?

— Я пытаюсь объяснить...

— А я пытаюсь понять, зачем вы вообще открыли аптеку в трёх шагах от моей лавки!

Теодор устало вздохнул. Его всегда раздражали споры, в которых собеседник будто намеренно не желал слышать очевидных доводов. В столице ему уже приходилось сталкиваться с подобным поведением, особенно когда речь заходила о лекарственных составах и необходимости проверять их эффективность. Однако прежде он редко позволял себе повышать голос, предпочитая молча выслушивать чужие обвинения. Теперь же молодой человек неожиданно почувствовал, что больше не желает оправдываться за каждое собственное решение.

— Госпожа Вереск, — произнёс он, стараясь сохранять спокойствие, — я не понимаю, почему вы считаете, будто имеете исключительное право лечить жителей этого города.

Агата застыла.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что люди должны иметь возможность выбирать, к кому обращаться за помощью.

— Вы думаете, я запрещаю им ходить к другим лекарям?

— Нет. Но судя по вашей реакции, само существование моей аптеки кажется вам недопустимым.

— Вы приехали три дня назад и уже рассуждаете о том, что допустимо в нашем городе, а что нет!

— Разве для того, чтобы открыть аптеку, необходимо прожить здесь сто лет?

Филипп тихонько присвистнул. Агата посмотрела на юношу с таким выражением, что тот невольно выпрямился. Она вовсе не ожидала услышать подобную дерзость от человека, который ещё недавно смущённо извинялся за падение с лестницы. Теодор же, заметив её негодование, поспешил объяснить, что всего лишь хочет предложить людям ещё один способ лечения и не видит в этом ничего предосудительного.

— Неужели желание сделать лекарства доступными настолько ужасно? — спросил он.

Агата уже собиралась возразить, когда из толпы неожиданно раздался голос госпожи Доры:

— Вообще-то, я тоже считаю, что семь монет лучше восьми.

Несколько человек рассмеялись. Ведьма медленно повернула голову, и пожилая женщина поспешно добавила:

— Не в обиду тебе, Агатушка! Твои настойки прекрасные. Просто монета лишней не бывает.

— Разумеется, — сухо ответила Агата. — Особенно если учесть, что каждую неделю ты тратишь вдвое больше на вишнёвую наливку.

Госпожа Дора возмущённо раскрыла рот.

— Это совершенно другое!

Мирта не выдержала и громко рассмеялась. Вслед за ней засмеялись ещё несколько человек, отчего напряжение ненадолго ослабло. Однако Теодор, вместо того чтобы воспользоваться паузой и закончить разговор, решил уточнить ещё одну деталь. Его давно интересовало, почему на некоторых баночках госпожи Вереск указывалось лишь назначение снадобья, но отсутствовал полный перечень ингредиентов.

— Разве покупатель не должен знать, что именно принимает? — поинтересовался он.

Агата недоверчиво уставилась на молодого человека. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться, что вопрос был задан совершенно серьёзно.

— На каждом средстве есть название, назначение и способ применения, — произнесла она.

— Но не полный состав.

— Потому что некоторые компоненты обладают магическими свойствами, которые невозможно объяснить человеку, не имеющему соответствующей подготовки.

— Именно поэтому их особенно важно изучать.

— Господин Маррен, — медленно сказала Агата, — вы хоть представляете, сколько времени необходимо, чтобы правильно приготовить сложное целебное снадобье?

— Разумеется. На изготовление некоторых препаратов у меня уходит несколько дней.

— А мне иногда приходится ждать определённой фазы луны, собирать растения в строго установленное время и проводить несколько последовательных магических воздействий!

— Но почему?

— Потому что иначе они не будут работать!

— А вы пытались установить причину?

Агата почувствовала, что ещё немного — и она действительно превратит его очки в жабу.

— Потому что так устроена магия!

Теодор задумался.

— Довольно неудовлетворительное объяснение.

На этот раз рассмеялся даже Филипп.

В Рябиновом Броде существовало негласное правило: если два человека начинали спорить на главной улице, остальные жители считали своим долгом выяснить причину и, по возможности, принять чью-нибудь сторону. Однако в данном случае задача оказалась непростой. Агату знали и любили практически все, а новый аптекарь, несмотря на очевидную нескладность, выглядел довольно приятным молодым человеком и говорил вполне разумные вещи. Кроме того, лекарства у него действительно стоили дешевле, что для многих горожан становилось весьма убедительным доводом в его пользу.

Мирта первой попыталась примирить спорщиков. Она протиснулась между Агатой и Теодором, вручила каждому по горячей булочке и предложила продолжить разговор за чашкой чая. Ведьма отказалась от угощения, а молодой фармацевт, который с самого утра ничего не ел, растерянно поблагодарил пекаршу и машинально откусил кусочек.

Агата посмотрела на него с нескрываемым возмущением.

— Вы можете хотя бы на минуту отнестись к нашему разговору серьёзно?

Теодор едва не подавился.

— Я вполне серьёзно к нему отношусь!

— Тогда перестаньте жевать!

Он поспешно проглотил булочку и смущённо посмотрел на Мирту. Та с трудом сдерживала смех, а Филипп и вовсе не скрывал своего веселья. Сапожник предложил ведьме последовать совету пекарши и успокоиться, пока они не успели перессорить весь город. Агата возмущённо заявила, что совершенно спокойна, и посмотрела на старика с таким выражением, что тот благоразумно поднял руки, изображая капитуляцию.

Теодор тем временем поставил надкушенную булочку на прилавок возле двери. Он уже начал жалеть, что вообще затеял этот разговор. В конце концов, никаких планов ссориться с соседкой у него не было. Напротив, он рассчитывал, что они смогут помогать друг другу, обмениваться знаниями и, возможно, совместно заниматься сложными случаями. Теперь подобная перспектива казалась всё менее вероятной.

— Госпожа Вереск, — произнёс он после небольшой паузы, — давайте начнём сначала. Я уважаю ваши способности и совершенно не сомневаюсь, что за долгие годы вы накопили огромный опыт. Но это не означает, что мои знания не имеют ценности.

Агата скрестила руки на груди.

— Я и не утверждала обратного.

— Тогда почему вы так возмущены моими ценами?

— Потому что вы намеренно пытаетесь составить мне конкуренцию!

— Конечно, пытаюсь! — неожиданно ответил Теодор.

Ведьма застыла, а Мирта приоткрыла рот. Даже Филипп перестал улыбаться. Молодой фармацевт, заметив реакцию окружающих, поспешил пояснить, что открыл собственное дело и, разумеется, нуждается в покупателях, иначе не сможет оплачивать аренду и закупать лекарства. Однако Агата, казалось, услышала лишь первую часть его признания.

— Значит, признаёте! — торжествующе произнесла она.

— Что именно?

— Что собираетесь переманивать моих пациентов!

Теодор тяжело вздохнул.

— Госпожа Вереск, пациенты не принадлежат ни вам, ни мне.

Эта фраза прозвучала гораздо громче, чем он рассчитывал. Агата медленно опустила руки, и на несколько мгновений её лицо стало совершенно неподвижным. Теодору даже показалось, что он наконец сумел убедить собеседницу, однако уже через секунду ведьма сделала шаг вперёд.

— Послушайте меня внимательно, молодой человек. Я лечила жителей Рябинового Брода задолго до того, как вы научились читать. Я помогала их родителям, бабушкам и дедушкам. Вставала посреди ночи, когда кому-нибудь становилось плохо, отдавала последние снадобья тем, кто не мог заплатить, и тратила собственные силы, чтобы облегчить чужие страдания. И теперь вы стоите здесь и объясняете мне, что я якобы считаю людей своей собственностью?

Теодор побледнел.

— Я вовсе не это имел в виду.

— Тогда научитесь выражаться точнее!

Ведьма отвернулась, собираясь уйти, но фармацевт неожиданно окликнул её:

— А вы научитесь слушать!

Слова вырвались прежде, чем он успел их обдумать. Агата медленно повернула голову, а Теодор почувствовал, как сердце заколотилось где-то в горле. Он никогда не отличался особенной смелостью в спорах, тем более с женщинами, которые одним взглядом могли заставить замолчать целую площадь. Однако отступать теперь было поздно. Юноша поправил очки, выпрямился и впервые за всё время разговора посмотрел ведьме прямо в глаза.

— Вы не даёте мне закончить ни одной мысли. С самого начала нашего знакомства вы предполагаете, что я непременно хочу вас обидеть, унижить или лишить заработка. Но я приехал сюда не ради вас, госпожа Вереск. Я приехал, потому что хочу заниматься любимым делом и помогать людям. Если вам это не нравится, мне очень жаль. Однако отказываться от собственной мечты я не собираюсь.

На улице стало тихо. Агата смотрела на него с неподдельным удивлением. Она никак не ожидала подобной речи от нескладного юноши, который ещё несколько минут назад едва не подавился булочкой. Теодор же, произнеся всё это, вдруг почувствовал необычайное облегчение. Впервые за долгое время он не промолчал в ответ на несправедливые обвинения и не попытался извиниться за собственное существование.

Впрочем, облегчение длилось недолго.

— Значит, так, — медленно произнесла ведьма, ещё раз взглянув на прејскурант. — Прекрасно, господин Маррен. Торгуйте своими порошками, микстурами и чем угодно ещё. Посмотрим, насколько хватит ваших замечательных научных знаний.

— С удовольствием, — ответил Теодор.

— Только не удивляйтесь, когда выяснится, что не каждую болезнь можно победить содержимым красивого пузырька!

— А вы не удивляйтесь, когда обнаружите, что не каждому пациенту необходимо колдовство!

Они посмотрели друг на друга. Агата едва заметно прищурилась, а Теодор упрямо вскинул подбородок, хотя по его покрасневшим ушам можно было догадаться, каких усилий ему стоило сохранять подобную решительность. Толпа замерла в предвкушении очередной перепалки, но продолжения не последовало.

— Что здесь происходит?! — раздался раздражённый голос из-за спин собравшихся.

Люди расступились, пропуская городского старосту. Господин Бреннер был невысоким плотным мужчиной с пышными усами и привычкой постоянно поглядывать на небо. Последние двадцать лет он занимался городскими делами и за это время успел убедиться, что основная причина большинства неприятностей заключается в неумении людей спокойно разговаривать друг с другом. Сейчас перед ним стояло весьма убедительное подтверждение этой теории.

— Госпожа Вереск! Господин Маррен! Мне сообщили, что здесь чуть ли не драка началась!

— Никакой драки нет, — немедленно ответила Агата.

— Мы просто обсуждаем вопросы ценообразования, — добавил Теодор.

Староста оглядел присутствующих.

— И ради этого вы собрали половину улицы?

— Мы сами собрались, — признался Филипп.

— Очень интересно было, — подтвердила госпожа Дора.

Господин Бреннер тяжело вздохнул. Он посмотрел на аптеку, затем на целебную лавку напротив и нахмурился. Выслушав краткое объяснение происходящего, староста поинтересовался, нарушает ли новый фармацевт какие-нибудь правила торговли. Агата была вынуждена признать, что никаких нарушений ей неизвестно. Теодор, в свою очередь, заверил, что не продаёт лекарства дешевле себестоимости и готов предоставить расчёты.

— Тогда в чём проблема? — спросил Бреннер.

Агата открыла рот, но не сразу нашлась с ответом. Формально староста был прав. Теодор действительно не нарушал никаких законов, да и запретить человеку заниматься фармацевтикой только потому, что она привыкла быть единственной целительницей в городе, было бы совершенно нелепо. Однако признать это вслух оказалось неожиданно трудно.

— Проблема в недобросовестной конкуренции, — наконец произнесла ведьма.

— Госпожа Вереск, если господин Маррен торгует честно, никакой недобросовестной конкуренции здесь нет. А вы, господин Маррен, продолжайте заниматься своим делом. В городе достаточно больных, чтобы никто без работы не остался.

— Благодарю за столь мудрое решение, — сухо произнесла ведьма.

Бреннер прищурился, пытаясь определить, было ли это сказано искренне, но быстро отказался от подобной затеи. С Агатой он предпочитал не спорить ещё с тех пор, как она вылечила ему воспалённое горло и заставила целую неделю молчать.

— Вот и прекрасно, — заключил староста. — А теперь расходитесь. И без того дождь собирается.

Все одновременно подняли головы. Небо было совершенно ясным, и даже на горизонте не виднелось ни единого облачка. Теодор осторожно указал на это обстоятельство, но Бреннер лишь многозначительно заметил, что погода нынче обманчивая, после чего поправил жилет и отправился по своим делам.

Филипп проводил его взглядом и задумчиво произнёс:

— А ведь в прошлый раз, когда он дождь обещал, три недели засуха стояла.

Мирта громко рассмеялась. Напряжение постепенно спало, и собравшиеся принялись расходиться, оживлённо обсуждая услышанное. Госпожа Дора уже успела пересказать спор двум случайным прохожим, немного приукрасив отдельные обстоятельства. По её версии, молодой аптекарь заявил, что магия совершенно бесполезна, а ведьма пригрозила превратить его в лягушку.

Ничего подобного, разумеется, не происходило, но к вечеру именно эту историю предстояло услышать большей части Рябинового Брода.

Агата вернулась в свою лавку с твёрдым намерением больше никогда не разговаривать с господином Марреном. Она с такой силой закрыла дверь, что колокольчик над входом испуганно зазвенел, после чего направилась к рабочему столу и принялась наводить порядок. Баночки встали ровными рядами, инструменты были тщательно вымыты, а несколько совершенно невиновных пучков лекарственных растений оказались перевязаны заново. Однако раздражение не проходило.

Ведьму возмущали не столько цены, сколько самоуверенность молодого фармацевта. Он приехал в незнакомый город, открыл аптеку напротив её лавки и с удивительной лёгкостью принялся рассуждать о том, как следует лечить людей. При этом складывалось впечатление, что он искренне не понимал, почему подобное поведение может кого-то задеть. Агата достала из шкафа старую книгу с рецептами и раскрыла её на первой попавшейся странице. Некоторое время она пыталась читать, но вскоре обнаружила, что уже в четвёртый раз рассматривает описание одного и того же растения.

— Наука способна лечить не хуже колдовства, — передразнила она, захлопывая книгу.
— Ну конечно! А я, значит, всю жизнь занималась какой-то ерундой!

В этот момент дверь открылась, и в лавку вошёл Филипп.

— Агатушка, ты только не сердись...

— Если пришёл защищать этого выскочку, можешь сразу разворачиваться!

Сапожник остановился.

— А если за мазью?

Ведьма посмотрела на него с подозрением.

— У тебя что, вся семья решила за одну неделю заболеть?

— Нет, на этот раз соседу нужно. Спину прихватило.

Агата тяжело вздохнула и направилась к полкам. Филипп тем временем устроился на стуле возле окна, поставил трость рядом и с интересом принялся рассматривать происходящее на противоположной стороне улицы. В аптеку как раз вошла молодая женщина с ребёнком, а следом за ней — пожилой мужчина, которого сапожник узнал как бывшего городского почтальона.

— Народ-то пошёл к нему, — заметил Филипп.

— Вижу.

— Может, и правда хорошие лекарства продаёт.

— Возможно.

— И дешевле.

Агата резко поставила баночку на прилавок.

— Филипп!

Старик поднял руки и пообещал замолчать. Некоторое время он действительно хранил молчание, но вскоре не выдержал и заметил, что новый фармацевт вовсе не кажется ему дурным человеком. Агата с этим не спорила, хотя и считала Теодора совершенно невыносимым. Однако Филипп продолжал настаивать, что молодой человек выглядит скорее застенчивым, чем самоуверенным.

— Застенчивый?! Ты слышал, что он говорил?

— Слышал. И тебя тоже.

Агата нахмурилась.

— Что ты хочешь этим сказать?

Сапожник некоторое время перебирал пальцами набалдашник трости, подбирая слова. Он знал Агату почти всю жизнь и прекрасно понимал, что упрямство было одной из её наиболее устойчивых черт характера. Впрочем, за долгие годы он успел научиться говорить с ней так, чтобы ведьма хотя бы иногда прислушивалась к его словам.

— Ты ведь сама всегда говоришь, что больных нужно лечить, а не считать, сколько с них можно заработать.

— Именно.

— Ну так он, похоже, тоже так думает.

Агата промолчала.

— Я не говорю, что он во всём прав, — поспешно добавил Филипп. — Только если парень действительно хочет помогать людям, разве это плохо?

Ведьма отвернулась к полкам. Разумеется, ничего плохого в этом не было. Она прекрасно понимала, что город мог только выиграть от появления ещё одного специалиста. Сама Агата не раз жаловалась на недостаток времени, особенно зимой, когда жители начинали болеть один за другим. Но одно дело — понимать это, и совсем другое — наблюдать, как люди с восторгом обсуждают нового аптекаря, который ещё вчера не знал даже названия главной площади.

— Он слишком самоуверенный, — наконец произнесла она.

— А ты разве нет?

Агата медленно повернулась.

— Филипп, ты сегодня очень рискуешь остаться без мази.

Сапожник расхохотался и довольно заметил, что теперь наконец узнаёт прежнюю Агатушку. Ведьма протянула ему баночку, назвала цену и приготовилась проводить посетителя, однако старик уходить не спешил. Некоторое время он смотрел на неё, затем неожиданно спросил, не думала ли она о том, что с появлением нового аптекаря сможет хотя бы иногда отдыхать. Ведь теперь часть больных наверняка станет обращаться к Теодору, а у самой Агаты появится больше свободного времени.

— Сможешь куда-нибудь съездить, погулять, в гости сходить, — продолжил Филипп. — К Мирте, например.

Ведьма усмехнулась.

— Ты с ней стоворился?

— Нет. Просто жалко смотреть, как ты одна всё время сидишь.

Агата опустила взгляд на собственные руки. Кожа оставалась гладкой и молодой, хотя этим пальцам приходилось держать инструменты, готовить снадобья и накладывать повязки на протяжении многих десятилетий. Она могла бы позволить себе отдыхать гораздо чаще, могла бы путешествовать, заниматься другими делами и даже на какое-то время покинуть Рябиновый Брод. Но тогда пришлось бы признать, что за пределами работы её почти ничего не ждёт.

— Мне нравится моё дело, Филипп, — тихо ответила она. — И я не собираюсь от него отказываться.

Старик некоторое время смотрел на неё, затем понимающе кивнул.

— Знаю, Агатушка. Только жизнь ведь не одной работой состоит.

Он взял баночку, попрощался и направился к выходу. Агата проводила его взглядом, после чего вернулась к столу и принялась готовить очередную настойку. Однако слова сапожника ещё долго не выходили у неё из головы.

В аптеке Теодора дела складывались значительно лучше, чем он ожидал. После утреннего происшествия посетителей заметно прибавилось. Некоторые действительно нуждались в лекарствах, другие заглядывали исключительно из любопытства, а несколько человек откровенно признавались, что пришли посмотреть на того самого фармацевта, который умудрился поссориться с ведьмой в первый же день работы.

Поначалу подобная известность ужасно смущала Теодора. Он не любил находиться в центре внимания, особенно если причиной всеобщего интереса становились его собственные неудачи. Однако постепенно молодой человек успокоился и сосредоточился на работе. Посетители задавали вопросы о препаратах, интересовались способами применения и сравнивали цены. Теодор терпеливо отвечал каждому, стараясь объяснять всё как можно понятнее.

Ближе к полудню в аптеку вошла Мирта. Фармацевт узнал её сразу, поскольку именно эта женщина утром пыталась примирить его с госпожой Вереск, предложив горячую булочку. Теодор до сих пор испытывал лёгкое чувство неловкости, вспоминая, как едва не подавился под сердитым взглядом ведьмы.

— Добрый день, госпожа...

— Мирта. Просто Мирта, — представилась женщина. — Я держу пекарню на площади.

— Очень приятно. Чем могу помочь?

— Вообще-то я решила посмотреть, что у тебя тут продаётся.

Хозяйка пекарни прошла вдоль полок, внимательно изучая этикетки. Несколько раз она останавливалась возле особенно красивых пузырьков, но быстро теряла к ним интерес, стоило Теодору начать подробно объяснять состав. Наконец Мирта остановилась возле небольших флаконов с янтарной жидкостью и заинтересовалась их назначением.

— Средство от кашля, — пояснил фармацевт. — Содержит очищенные экстракты нескольких лекарственных растений.

— А помогает?

— При определённых видах кашля может облегчить симптомы. Но если заболевание серьёзное, необходимо сначала установить его причину.

Мирта задумчиво кивнула и рассказала, что у её мужа каждую осень болит горло. Сам пекарь утверждал, будто всему виной холодный воздух, однако жена подозревала, что причина кроется в его привычке пробовать горячие булочки прямо из печи. Теодор улыбнулся и посоветовал мужчине осторожнее относиться к своему здоровью. Если же проблема повторялась регулярно, следовало разобраться в её причинах.

— Понятно. А сколько стоит? — спросила Мирта.

— Семь монет.

— У Агаты восемь.

— Я уже слышал.

Женщина посмотрела на него с хитрой улыбкой.

— Не переживай. Она добрая, просто очень упрямая. Если бы ты видел, как она спорила с прежним старостой из-за разрешения выращивать на городской земле какую-то редкую траву!

Теодор заинтересовался.

— И чем закончилось?

— Староста сдался. А трава, между прочим, до сих пор растёт возле моста.

Мирта рассмеялась и продолжила осматривать аптеку. Однако спустя несколько минут её внимание вновь привлёк молодой фармацевт, который стоял за прилавком и тщательно пересчитывал какие-то монеты. Женщина поинтересовалась, действительно ли он собирается постоянно продавать лекарства по столь низким ценам. Получив утвердительный ответ, она заметно обеспокоилась.

— Но тебе же нужно платить за помещение, покупать лекарства, питаться наконец. Ты вон какой худой!

Теодор смущённо поправил жилет.

— Благодарю за заботу. Я всё рассчитал.

— А если покупателей будет мало?

— Тогда придётся сократить расходы.

— На еду, что ли?

Фармацевт замялся. Мирта посмотрела на него с выражением человека, который только что получил исчерпывающий ответ, после чего решительно объявила, что вечером он непременно должен зайти к ней в пекарню за нормальным обедом.

— А то через месяц у нас в городе будет не аптекарь, а скелет в очках!

Теодор невольно рассмеялся. Он хотел было возразить, но хозяйка пекарни уже направилась к выходу, заявив, что никаких отказов не принимает. На пороге она неожиданно остановилась и оглянулась.

— И ещё кое-что.

— Да?

— Не сердись на Агату. Она хорошая.

Молодой человек перестал улыбаться.

— Я знаю.

Мирта удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

— Разумеется. Она помогла мне после падения, хотя совершенно не была обязана. И вывеску повесила. Просто, кажется, я не очень ей нравлюсь.

Женщина некоторое время молчала, после чего тихонько рассмеялась.

— Ох, Теодор. Ты ей не нравишься не потому, что плохой. Просто никто уже очень давно не спорил с ней так уверенно.

Он нахмурился.

— Но я ведь не хотел ссориться.

— Знаю. Только иногда люди ссорятся даже тогда, когда оба хотят одного и того же.

С этими словами Мирта вышла из аптеки, оставив фармацевта в некотором замешательстве. Теодор ещё некоторое время размышлял над её словами. Ему действительно хотелось помогать людям, и он не сомневался, что госпожа Вереск руководствуется тем же желанием. Почему же они не могли договориться? Возможно, дело заключалось в том, что ведьма слишком привыкла работать одна. Или в том, что он недостаточно ясно объяснил свои намерения.

Молодой человек вздохнул, однако размышлять об этом было некогда. Над дверью снова зазвенел колокольчик, возвещая о появлении очередного посетителя.

К концу дня новость о дешёвых лекарствах разлетелась по всему Рябиновому Броду. В пекарне Мирты обсуждали преимущества столичной фармацевтики, в сапожной мастерской Филиппа спорили о том, способны ли порошки заменить колдовство, а возле городского колодца госпожа Дора рассказывала всем желающим, как лично присутствовала при ожесточённой ссоре двух целителей.

Разумеется, каждый новый пересказ делал историю немного интереснее предыдущего. К вечеру выяснилось, что Агата якобы пыталась запретить Теодору торговать лекарствами, тот пригрозил доказать бесполезность магии, а городской староста едва сумел предотвратить настоящий магический поединок. Последнее обстоятельство особенно заинтересовало мальчишек, которые весь остаток дня бегали возле обеих лавок в надежде увидеть хоть какое-нибудь заклинание. Самих участников происшествия эти слухи совершенно не радовали.

Агата узнала о них от молодой девушки, пришедшей за мазью для обожжённых рук. Та совершенно серьёзно поинтересовалась, правда ли ведьма собирается превратить нового аптекаря в жабу. Агата настолько растерялась, что несколько секунд не могла произнести ни слова.

— С чего ты это взяла? — наконец спросила она.

— Так госпожа Дора сказала.

Ведьма медленно закрыла глаза.

— Разумеется.

— А правда?

— Нет, дорогая. Если бы я собиралась превратить его в кого-нибудь, то выбрала бы существо, которое хотя бы иногда умеет молчать.

Девушка рассмеялась, но затем осторожно поинтересовалась, не опасно ли вообще спорить с бессмертной ведьмой. Агата заверила её, что гораздо опаснее бездумно верить городским сплетням, после чего выдала мазь и посоветовала быть осторожнее возле горячей печи. Когда посетительница ушла, ведьма устало опустилась на стул.

День оказался ужасным. Мало того что половина города обсуждала цены нового аптекаря, так теперь ещё и распускали нелепые слухи о её намерениях. Агата совершенно не понимала, почему люди так любят преувеличивать. За сто шестьдесят три года она не превратила в жабу ни одного человека, хотя желающих порой находилось немало.

Она потянулась за чашкой чая и вдруг заметила, что за весь день почти ничего не ела. Утренний завтрак давно забылся, а приготовленный к обеду пирожок так и лежал на тарелке возле окна. Ведьма вздохнула и поднялась, чтобы закрыть лавку, но в этот момент дверь осторожно приоткрылась.

— Госпожа Вереск?

На пороге стоял Теодор. В одной руке молодой человек держал небольшой бумажный свёрток, в другой — записную книжку, которую машинально прижимал к груди. Он выглядел несколько смущённым, хотя при виде ведьмы всё же попытался улыбнуться.

— Добрый вечер.

— Что вам угодно, господин Маррен?

— Я хотел поговорить с вами.

— Мы уже достаточно поговорили сегодня утром.

— Да, но мне кажется, наше обсуждение закончилось не совсем удачно.

Агата приподняла бровь.

— Вы находите?

— Боюсь, да.

Она тяжело вздохнула и указала на свободный стул возле прилавка. Теодору было предложено ровно пять минут, о чём ведьма не преминула его предупредить. Молодой фармацевт благодарно кивнул, но садиться не стал. Он положил свёрток на прилавок, поправил очки и некоторое время подбирал слова, словно заранее подготовленная речь совершенно вылетела у него из головы.

— Я хотел извиниться, — наконец произнёс он. — Возможно, утром я выразился слишком резко.

Ведьма немного смягчилась.

— Возможно.

— Но я действительно не собираюсь вредить вашему делу. Я уважаю ваш опыт и прекрасно понимаю, что магия обладает возможностями, которых у обычных лекарств нет.

Агата скрестила руки на груди.

— Продолжайте.

— И мне бы хотелось, чтобы вы тоже признали ценность фармацевтики. Мы ведь можем помогать людям разными способами.

Он говорил искренне, без прежней горячности, и на мгновение ведьме даже показалось, что их разногласия вполне можно уладить. Однако затем Теодор добавил, что надеется больше не сталкиваться с подобной неприязнью и хотел бы, чтобы госпожа Вереск перестала воспринимать его аптеку как угрозу.

Агата медленно выпрямилась.

— Угрозу?

Молодой человек замер.

— Ну... да.

— Вы думаете, я вас боюсь?

— Что? Нет! Я вовсе не...

— Господин Маррен, позвольте кое-что прояснить. Я совершенно не боюсь ни вас, ни ваших лекарств, ни ваших цен. Меня раздражает исключительно ваша самоуверенность!

Теодор растерянно моргнул. Все тщательно подготовленные извинения окончательно потеряли смысл. Он несколько секунд смотрел на ведьму, после чего устало провёл ладонью по лицу и признался, что начинает понимать, почему госпожа Вельта советовала ему с ней не спорить. Услышав это, Агата неожиданно усмехнулась.

— Очень разумная женщина.

Теодор тоже не удержался от улыбки.

— Теперь я в этом совершенно уверен.

Ведьма почувствовала, что вновь начинает злиться. Однако прежде чем она успела ответить, молодой человек осторожно подвинул к ней бумажный свёрток.

— Это вам.

Агата недоверчиво посмотрела на него.

— Что это?

— Булочки. Госпожа Мирта сегодня дала мне целую корзину, а я не смог всё съесть. Подумал, возможно, вы захотите...

— Вы принесли мне остатки своего обеда?

Теодор покраснел.

— Нет! То есть... они совершенно свежие. Я просто решил поделиться.

Ведьма несколько мгновений смотрела на него, затем на свёрток. Ситуация была настолько нелепой, что ей вдруг захотелось рассмеяться. Этот человек умудрился прийти извиняться, снова её разозлить и в довершение всего предложить булочки, словно они были добрыми соседями, обсуждавшими погоду за чашкой чая.

— Господин Маррен, — медленно произнесла Агата, — вы всегда такой?

Теодор растерялся.

— Какой?

— Невыносимый.

Он задумался.

— Не думаю.

Агата всё-таки рассмеялась. Смех вырвался совершенно неожиданно, заставив молодого фармацевта удивлённо поднять голову. Несколько мгновений он смотрел на ведьму, затем его губы тоже дрогнули в улыбке.

— Значит, булочки всё-таки возьмёте? — осторожно спросил он.

— Оставьте. Но только потому, что не хочу обижать Мирту.

— Разумеется.

— И не думайте, что это означает наше примирение.

— Даже не собирался.

Теодор попрощался и направился к двери. Однако уже на пороге он неожиданно остановился и обернулся, словно вспомнил о чём-то чрезвычайно важном.

— Кстати, госпожа Вереск, я хотел кое-что спросить.

Агата обречённо вздохнула.

— Что ещё?

— Вы ведь используете магию при приготовлении мази для суставов?

— Разумеется.

— А вы когда-нибудь сравнивали её действие с обычными противовоспалительными средствами? Просто мне кажется, было бы интересно провести небольшое исследование.

Ведьма медленно закрыла глаза. Она уже начала всерьёз сомневаться, что этому человеку вообще знакомо понятие своевременного молчания.

— Господин Маррен...

— Если бы мы взяли несколько образцов и...

— Вон.

Теодор смущённо улыбнулся.

— Хорошего вечера.

— Вон!

Дверь закрылась, и ведьма осталась одна. Некоторое время она смотрела на бумажный свёрток, лежавший на прилавке. Затем осторожно развернула его и обнаружила две свежие булочки с корицей. Запах оказался настолько приятным, что Агата невольно улыбнулась.

— Несносный мальчишка, — пробормотала она, откусывая небольшой кусочек.

По правде говоря, Теодор раздражал её всё сильнее. Но ещё сильнее раздражало то, что некоторые его слова заставляли задумываться. Ведьма никогда прежде не пыталась сравнивать собственные снадобья с фармацевтическими препаратами, поскольку считала подобные исследования совершенно ненужными. Она знала, что её средства помогают людям, а этого всегда было достаточно.

Но что, если новый аптекарь действительно сможет лечить некоторые болезни быстрее или дешевле? Что, если жители начнут предпочитать его лекарства? И, что гораздо неприятнее, что, если он окажется прав хотя бы в чём-то?

Агата решительно отогнала эти мысли. Она не собиралась уступать какому-то столичному выскочке только потому, что тот умеет красиво раскладывать порошки по баночкам. В конце концов, у неё было больше ста лет опыта, а это, по мнению ведьмы, значило гораздо больше любых академических дипломов.

Она допила чай, убрала остатки булочек и поднялась к себе. Завтра предстоял новый рабочий день, и Агата намеревалась доказать всему Рябиновому Броду, что настоящая целебная магия ничуть не уступает современным лекарствам.

Теодор вернулся в аптеку уже после заката. Он запер дверь, погасил часть ламп и уселся за рабочий стол. За первый день удалось продать гораздо больше препаратов, чем он рассчитывал. Выручка получилась вполне приличной, хотя значительную её часть предстояло потратить на новые закупки. Молодой человек тщательно пересчитал монеты, записал результаты в бухгалтерскую книгу и удовлетворённо откинулся на спинку стула.

Его новая жизнь наконец начала приобретать какие-то очертания. Он больше не зависел от чужих решений, не обязан был выполнять распоряжения человека, которого не уважал, и мог самостоятельно определять, как вести собственное дело. Конечно, впереди оставалось множество трудностей, но впервые за долгое время Теодор испытывал искреннее воодушевление. Правда, существовала одна весьма существенная проблема.

Он посмотрел в окно. Напротив, за занавесками целебной лавки, горел свет. Теодор невольно вспомнил утреннюю ссору, сердитое лицо госпожи Вереск и её возмущённый голос, когда он попытался объяснить преимущества фармацевтики. Молодой человек вздохнул. Он действительно не хотел ссориться с соседкой. Более того, её способности вызывали у него неподдельное восхищение. Теодор был уверен, что мог бы многому у неё научиться, если бы она согласилась хотя бы иногда отвечать на его вопросы без угроз и насмешек.

Однако гордость тоже не позволяла ему просто отступить. Он приехал в Рябиновый Брод ради собственного дела и не собирался закрывать аптеку лишь потому, что местной ведьме не понравилось появление конкурента. Если понадобится, он докажет, что его лекарства действительно полезны, а методы лечения заслуживают доверия.

Теодор достал чистый лист бумаги и задумался. Возможно, жителям просто не хватало информации о фармацевтике. Многие наверняка привыкли обращаться к Агате по любому поводу и совершенно не представляли, какие возможности открывают правильно изготовленные лекарственные препараты. В таком случае стоило рассказать им об этом подробнее.

Он взял карандаш и начал составлять объявление. Спустя полчаса на листе появилась аккуратная надпись: «Аптека Теодора Маррена приглашает жителей Рябинового Брода на бесплатные консультации по вопросам здоровья и правильного применения лекарственных средств».

Фармацевт перечитал написанное и удовлетворённо улыбнулся. Он вовсе не собирался отнимать пациентов у госпожи Вереск. Просто хотел, чтобы люди знали: теперь в городе есть ещё один специалист, к которому можно обратиться за помощью. Теодор положил объявление рядом с преysкурантом, погасил лампу и отправился наверх.

А на противоположной стороне улицы Агата Вереск сидела за кухонным столом, составляя собственный план действий. Она решила, что раз уж новый аптекарь так гордится своей наукой, то жители должны своими глазами увидеть, на что способна настоящая магия. Ведьма собиралась устроить небольшой день открытых дверей, показать несколько простых лечебных заклинаний и напомнить горожанам, что её лавка по-прежнему готова помочь каждому нуждающемуся. При этом Агата совершенно не считала подобное мероприятие попыткой составить конкуренцию Теодору. Она всего лишь заботилась о своих пациентах, точно так же, как молодой фармацевт был уверен, что его бесплатные консультации не имеют никакого отношения к недавней ссоре.

Оба искренне считали себя людьми разумными, справедливыми и совершенно не склонными к мелочной борьбе за внимание окружающих. И оба, разумеется, сильно ошибались.

В Рябиновом Броде наступала ночь. На улицах постепенно стихали разговоры, в окнах домов гасли огни, а над рекой поднимался лёгкий туман. Горожане расходились по домам, обсуждая необычайно интересный день и с нетерпением ожидая продолжения истории. Ведь теперь у них было целых два целителя, и ни один из них не собирался уступать другому.

Война за здоровье Рябинового Брода только начиналась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.